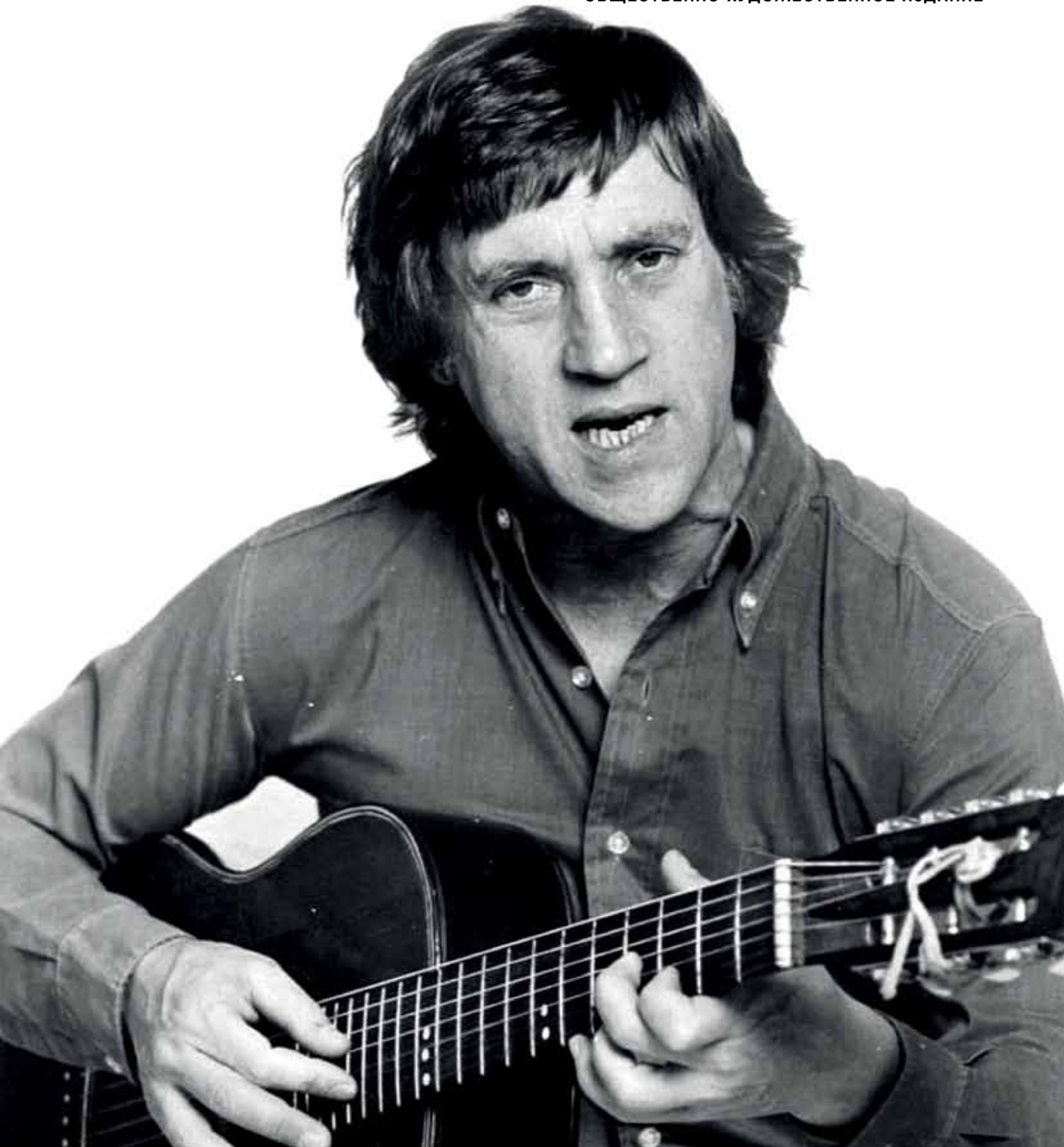

№1

Январь 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный
www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1⁽¹⁸⁷⁾
Январь 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 Я ЕЩЕ ПОСТОЮ НА КРАЮ...
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 11 «ПОЮЩИЙ СОГЛАСНЫЕ...»
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
- 12 ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ
ЮЛИЯ СИВЕРСКАЯ
- 14 ДВЕНАДЦАТЬ – ЧИСЛО МАГИЧЕСКОЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 20 ПОЛЕТ СОКОЛА
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 СВОИМИ ГЛАЗАМИ
НАМИ МИКОЯН
- 29 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 У МЕНЯ ЕСТЬ КОРНИ
ЛАНА КАСАТИ
- 37 РЯДОМ С ДОКТОРОМ ЦОПЕ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 42 УВИДЕННЫЙ ВБЛИЗИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 44 ПУТЬ К ОЛИМПУ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 46 «БЫВАЮТ КРЫЛЬЯ У ХУДОЖНИКОВ...»
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 48 ОТ ВСЕГО СЕРДЦА
ЛЕВАН ЧАЧУА
- 49 ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МАРШАК
НАТАЛЬЯ ГЗИРИШВИЛИ
- 52 НАМ ПИШУТ

На обложке – Владимир ВЫСОЦКИЙ

ОТ ДО

МАЛЕНЬКАЯ ГЕРОИНЯ СВОЕГО НАРОДА

6 января, 601 год назад, во французской деревушке Домреми в семье обедневших дворян родилась девочка, ставшая национальной героиней Франции. Она никогда не называла себя по фамилии – д'Арк, а всю жизнь звалась Жаннеттой. В 13 лет она стала слышать голоса архангелов Михаила и Гавриила, святой Катерины и святой Маргариты Антиохийской. Они-то и поведали девочке, что ей предстоит снять осаду с города Орлеан, короновать дофина Карла и объединить Францию. Почему именно Орлеану выпала честь стать ключевым пунктом Столетней войны, подобно Ватерлоо и Сталинграду? Дело в том, что за 100 лет до этого англичане начали завоевательную войну на континенте и после сражения при Азенкуре практически поставили Францию на колени. Им осталось только соединить северные территории Франции с Аквитанией на юге, а для этого нужно было захватить Орлеан. Французские патриоты предприняли почти безнадежную попытку не допустить падения города, но были окружены, и участь их казалась предрешенной. Как сумела маленькая девочка убедить прославленных воинов стать под ее началом, как сумела обойти все хитроумные проверки дофина, его придворных и богословов – этого не знает никто. Но факт остается фактом – храбрые и умелые французские генералы поверили ей и сумели снять осаду с ключевого форпоста. Ничем, кроме божественного провидения, не объяснить наличие военного таланта и дара полководца у 17-летней полуграмотной девочки. Она короновала короля в Реймсе, держа над его

головой свое боевое знамя. Но Карл оказался предателем – недаром от него отказалась его мать. Когда Жанна попала в плен к бургундцам, он ее не выкупил, хотя имел такую возможность. Маленькая героиня была казнена – ее сожгли на костре как ведьму. Через 20 лет Карла все-таки взяла совесть, и он создал комиссию, доказавшую, что обвинение было сфабрикованным. А в XX веке Жанна была канонизирована как святая. Она прожила всего 19 лет.

НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

370 лет назад родился величайший физик в истории человечества Исаак Ньютон. Родившийся в простой, но небогатой семье, и рано оставшись без отца, он рос необычайно мальчишеским и поначалу очень плохо учился в школе. За что его и дразнили безжалостные одноклассники. Но позднее будущий великий ученый окончил знаменитый Кембриджский университет, где долго остался преподавать и руководить кафедрой, которая и поныне процветает под руководством современного гения Стивена Хокинга.

Исаак Ньютон – один из самых разносторонних талантов всех времен, как и положено титану эпохи Возрождения. Это был математик, астроном, физик, механик. Заложив основы классической механики, он объяснил движение небесных тел, сформулировал три закона механики, закон всемирного тяготения, создал телескоп-рефлектор, проводил опыты по разложению света. И между делом, исключительно по необходимости и для удобства вычислений, разработал дифференциальное и интегральное исчисление. Его открытия определили развитие физики на много веков вперед. И любое из достижений оставило бы его имя в веках, но Ньютон был очень скромным человеком и любил повторять: «Если я и видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

А ЗАПОМИЛИСЬ ТОЛЬКО ЕГО СКАЗКИ

12 января 1628 года родился выдающийся французский поэт и критик, а также член Французской Академии и приближенный премьер-министра Франции Жана Кольбера и его личный секретарь, один из соз-

дателей Энциклопедии французской литературы. А нам он известен как автор «Кота в сапогах», «Золушки», «Красной Шапочки» и других сказок. Это Шарль Перро.

Будучи маститым литератором, он вовсе не горел желанием остаться в памяти благодарного человечества как детский писатель, вроде нашего К.И. Чуковского. Ему хотелось быть солидным, уважаемым и серьезным человеком. Поэтому написанные им сказки – их было всего-то семь – он приписал сыну, создав в среде литературоведов изрядную сумятицу. Вопрос об его авторстве до сих пор некоторыми оспаривается. Но эти семь сказок вошли в сокровищницу мировой детской литературы. Читая их нашим детишкам в детской редакции, так как исходные тексты Шарля Перро малышам давать категорически не рекомендуется из-за их кровожадности и эротичности.

ПОВЕРИВШИЙ В ЛЕГЕНДУ

В Северной Пальмире, в прекрасном городе Санкт-Петербурге, на первой линии Васильевского острова в середине XIX века жил странный человек. Это был иностранец, приехавший в Россию для того, чтоб открыть свое дело – в родной Германии у него это не получалось. В России и налоги были ниже, и к иностранцам было особое, приветливое отношение. Он даже разбогател. Звали его Генрих Шлиман. Родился он на берегу Балтийского моря, в краю янтаря и сказок, 6 января 1828 года. Любимой его книжкой была «Илиада» Гомера с картинками, и это определило его предназначение – он решил, что он непременно разыщет легендарную Трои, в существование которой в те времена никто не верил. С заработанными в России деньгами Шлиман отправился на берега пролива Дарданеллы в Турцию, где сумел откопать развалины древнего города. К тому же, он нашел золотой клад, который приписал царю Приаму. Он был первым, кто поверил в легенду и сумел доказать реальность исторических событий.

Одна ложка дегтя в этой истории

все-таки присутствует. Археологи всего мира проклинают Шлимана за дилетантизм и уничтожение исторических реликвий. Из-за своего крайнего невежества он едва ли не уничтожил бесценные культурные слои в процессе поисков золотого клада. Но даже эти археологи, столь осуждающие его, признают историчность и ценность труда Шлимана и его безусловный вклад в популяризацию археологии.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО ФИЗИКА

110 лет тому назад родился выдающийся советский физик Игорь Васильевич Курчатov. Его называют «отцом советской атомной бомбы». Он родился на Урале, в семье землемера, а жил в Крыму и учился в симферопольской казенной гимназии. Там же он поступил на физико-математический факультет Таврического университета, а затем перебрался в Петроград, где, доучившись в знаменитом Политехническом институте, стал работать под руководством самого академика Иоффе. Одним из первых в начале 30-х гг. он приступил к изучению физики атомного ядра, а

в 1936-м вместе с группой открыл изометрию искусственно созданных ядер. С началом войны он внедрял на военных кораблях т.н. метод размгничивания, обеспечивающий стопроцентную защиту от немецких мин. А в 1946 году убедил Сталина в важности советского атомного проекта. И уже в 1949-м под его руководством была создана первая атомная бомба, испытанная 29 августа.

В ответ на упреки в том, что советское ядерное оружие удалось создать благодаря украденным у американцев секретам, академик Курчатov объяснил: добытые разведчиками американские ядерные чертежи всего лишь послужили к убеждению руководства страны. Начальство не очень верило талантам «своих». Но это не помешало созданию собственной бомбы. Испытание успешно прошли обе версии.

ЮБИЛЕЙ АВТОРА «ГОЛУБЫХ ГОР»

26 января исполняется 80 лет выдающемуся грузинскому кинорежиссеру Эльдару Николаевичу Шенгелая. Выпускник ВГИКа, учившийся в мастерской Сергея Юткевича, он быстро прославился, как тонкий, изящный и остроумный мастер, пополнив славную, но, увы, немногочисленную когорту насто-

ящих комедиографов, умеющих говорить с абсолютно любым зрителем на его языке, способного рассмешить и одновременно растрогать, задев чувствительные струны человеческой души. Фильмы Эльдара Шенгелая «Необыкновенная выставка», «Чудаки», «Мачеха Саманишвили» и, в особенности, «Голубые горы, или Неправдоподобная история», до сих пор занимают почетное место в коллекциях настоящих ценителей хорошего кино во всем мире.

ОТ ПЕТРА ПЕРВОГО ДО БУРАТИНО

10 января 1883 года родился выдающийся русский писатель Алексей Николаевич Толстой. Это был выходец из блестящей русской провинциальной интеллигенции. Он еще до Первой Мировой войны отправился в столицы, где быстро приобрел известность как подающий надежды литератор. Октябрьскую революцию он не признал и через Одессу уехал в эмиграцию, где жил и работал сна-

чала в Париже, а потом в Берлине. Но, будучи настоящим патриотом, при первой же возможности вернулся в Советскую Россию. Здесь он и написал свои главные произведения – трилогию «Хождение по мукам» и роман «Петр Первый», не считая повестей и рассказов, фантастических романов «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлиту», а также про деревянного мальчика Буратино – вольное переложение сказки Коллоди «Пиноккио».

Советскому руководству льстило, что из эмиграции вернулся не только известный писатель, но и представитель знатного дворянского рода. Его даже приняли в партию. А ехидные москвичи называли Алексея Николаевича «красным графом» и очень любили постучать в его дверь, чтобы услышать из уст его верного камердинера, как и хозяин, вернувшегося на родину, убийственно смешную фразу: «Их сиятельство на партсобрании».

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

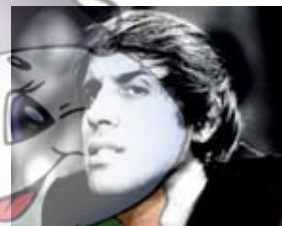
3 января исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося грузинского историка, археолога и общественного деятеля Эквтиме Семеновича Такашвили. Родившись в Гурии, в дворянской семье, он получил блестящее образование в Санкт-Петербургском государствен-

ном университете и всю жизнь занимался научной и просветительской деятельностью. В начале века он организовал серию археологических экспедиций в историческую область Грузии – Тао-Кларджети. Он был одним из основателей Тбилисского государственного университета. Вместе с правительством Ноя Жордания уехал в эмиграцию во Францию во времена революции и спас от разграбления золотую казну республики и бесценные экспонаты грузинской материальной культуры. Несмотря на то, что владельцем казны считалось правительство Грузинской Демократической Республики, находящееся в изгнании, фактически владел кладом и хранил его именно Такашвили. Примирившись с новой властью и решив вернуться из эмиграции в 30-е гг., он добился того, чтобы бесценные экспонаты, принадлежащие грузинскому народу, вернулись на родину, несмотря на многочисленные попытки европейских музеев их захватить. Как исключительно порядочный человек, он даже в самые голодные времена не продал ни одного экземпляра.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАЭСТРО!

6 января исполняется 75 лет знаменитому Адриано Челентано. Он известен далеко за пределами своей родины как прекрасный эстрадный певец, композитор, киноактер и режиссер. За свою карьеру он выпустил 41 студийный альбом общим тиражом 150 миллионов и снялся более чем в 40 фильмах. Нашему зрителю особенно хорошо запомнились «Блеф», «Укрощение строптивого», «Бинго-Бонго», «Серафино». Его любит уже третье поколение итальянцев и, несмотря на почтенный возраст, его все еще зовут «человеком на пружинах» или «миллион вольт». Он необычайно энергичен и может делать одновременно несколько дел, подобно своему соотечественнику Юлию Цезарю. К примеру, был случай, когда он как режиссер снимал фильм по собственному сценарию, где сыграл главную роль, написал музыку как композитор, исполнил песни как певец, а для того, чтобы как-то скрасить скудность существования, параллельно снимался в фильме своих друзей... естественно, в четырех ролях сразу. Bravo, маэстро Адриано, здоровья и долголетия!

Роб АВАДЯЕВ

Я ЕЩЕ ПОСТОЮ НА КРАЮ...

25 января 2013 года исполняется 75 лет со дня рождения Владимира Семеновича Высоцкого. Он ушел из жизни более трех десятков лет назад, но на огромной территории, именуемой при его жизни Советским Союзом, и сегодня трудно найти человека, который не помнит его неповторимый голос и стихи.

«О великих вещах надо говорить возвышенно или... с циничностью», - гласит один из парадоксальных афоризмов Фридриха Ницше. О Владимире Высоцком сказано и написано предостаточно в обеих тональностях.

Когда из жизни уходят известные люди, они мигом обрастают несметным количеством «друзей» и даже «родственников», о которых они сами имели весьма смутное представление. А зачастую и вовсе не подозревали об их существовании. Так возникают легенды, нанизываясь одна на другую. Расцветиваясь фантастическими подробностями. Естественно, такой участи не могло избежать и уникальное явление природы, имя которому – Володя Высоцкий. Не фамильярности ради пишу именно так, Володя Высоцкий. Так звала его вся страна. Вся влюбленная в него Европа. Так звучит это имя в сознании миллионов людей.

Сгорев от взрыва своей сверхчеловеческой энергии, Высоцкий не «отпустил» ни друзей, ни недругов. Полдюжины его коллег по Таганке написали о нем книги. Ни один маститый театральный критик не обошелся без попытки анализа его творчества. Даже те поэты, которые снисходительно поучали его при жизни, сдержанно признали Высоцкого своим. А год назад родной сын Никита

выпустил в прокат фильм «Владимир Высоцкий. Спасибо, что живой». Всеобщий ажиотаж, вызванный появлением «первого высокотехнологичного блокбастера», всколыхнул чувства людей, видевших Высоцкого живьем, высветил из глубины сознания кадры совсем другого «кино».

Когда-то давным-давно, девчонкой лет пятнадцати я прочитала блестящее эссе Марины Цветаевой «Мой Пушкин». С подростковой категоричностью восприняла тогда местоимение «мой» в названии очерка, как некое горделивое самоутверждение и nepозволительную фамильярность. Много позже пришло осознание того, что магическая сила истинного таланта в искусстве способна сроднить равнодушного человека с великим художником, как с реально присутствующим рядом другом, единомышленником. Что же говорить о нашем поколении так называемых шестидесятников, для которых Высоцкий был современником, и его можно было воочию увидеть на сцене, встретить на улице или в чьем-нибудь доме. И почти каждого из нас с его именем связывало что-то свое, очень личное. «Сколько есть сердец, столько и любвей», - писал великий знаток оных Л.Н. Толстой. И, наверно, сколько было людей, знавших Высоцкого по его творчеству, по жизни и лично, столько же ипостасей

легендарного барда, поэта и актера складывалось в копилку истории создания его образа, тайну уникальности которого будет разгадывать еще не одно поколение.

Каким же остался в памяти «мой Высоцкий»?

...Лето 1966 года. Московскому Театру на Таганке чуть больше двух лет. А эхо восторженного бума вокруг молодого, эпатажного, поющего и пляшущего театрального коллектива пронеслось по всей стране. Их с нетерпением ждали повсюду. Первые большие гастроли театра – в Тбилиси!

Старое здание Тбилисского театра музыкальной комедии и тихий скверик окрест него навряд ли помнили столько шума-гама и многолюдья. У центрального входа, по обе стороны дверей, там, где привычно видеть пожилых билетерш в темных пиджачках, стоят два молодых парня в бушлатах, в матросских бескозырках и лихо нанизывают на штыки билеты, которые они ловко выхватывают из рук обескураженных зрителей – расскаживайтесь, мол, где попало, у нас демократия. «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида читали? И такие шутки-прибаутки – чуть ли не каждому гостю персонально. В высоком красавце по правую руку от дверей узнаю Бориса Хмельницкого. А второй, ростом пониже и лицом резче, кого-то смутно напоминает.

- Вам налево! - хриплым голосом командует он и тут же грозно гаркает на тех, кто стоит в очереди за нами: «А вам в другую сторону!»

Пробираемся сквозь толпу, в которой зрители вперемешку с театральными «матросами». А за спиной рокочет хриплый баритон.

И вдруг осенило! Это же тот самый – «А на нейтральной полосе цветы...»

В те годы бардовская песня была некой визитной карточкой продвинутой в обществе. Каждый второй юнец «от Москвы до самых до окраин» пытался брэнчать на гитаре, распевая при этом заунывным голосом вирши собственного сочинения. Интерес к этому жанру для меня вполне исчерпывался высокой лирикой Булата Окуджавы. И даже вокально-гитарная команда блистательной «Таганской трудовой артели» (меткое выражение А.Эфроса), признаться, революции в восприятии жанра не произвела. Но эти беззащитные «цветы необычайной красоты» очень люблю до сих пор. Первая песня, по которой я запомнила имя и голос Володи Высоцкого.

Ее нам спел наш давний друг и коллега Олег Лукьянцев, фотомастер по жизни, романтик по натуре и бард по призванию. Душевно спел. Грустно и проникновенно. А потом дал послушать запись авторского исполнения.

Высоцкий не был «родом» из Щукинского училища, выпускники которого во главе со своим режиссером-педагогом Юрием Петровичем Любимовым стали основным костяком нового театра. Он пришел к ним сам, со стороны, из школы-студии МХАТ. Спустя четыре месяца после официального признания молодого коллектива театром. Здесь еще со студенческой скамьи были определены свои лидеры – Николай Губенко, Алла Демидова, Зинаида Славина, Борис Хмельницкий, Валерий Золотухин... И года два Володя оставался на вторых ролях.

Но вторые роли играл Высоцкий или третьи, уже не имело никакого значения для тбилисского зрителя. Его голос звучал в каждом доме. И большая часть публики пробивалась в зал «на Высоцкого».

Так счастливо сложилось по жизни, что я по несколько раз видела все спектакли с участием Владимира Высоцкого, не раз бывала на его концертах в больших залах и на выступлениях в узком кругу. Вошедшие в историю экранные герои Высоцкого, в том числе и самый знаме-

нитый – Глеб Жеглов из культового фильма Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», на мой взгляд, не дают того полного представления об обаянии и об уникальном актерском диапазоне, которые ошеломляли зрителя его театральными работами. Всю мощь и самообытность поэта, актера, барда, человека Володи Высоцкого во всей полноте его многогранного таланта можно было до конца, до дрожи в кончиках пальцев, ощутить только вживую, в зале, который он заряжал своим дыханием, одним своим присутствием. Он обрушивал на публику лавину своей бурлящей энергетики. И нещадно тратил себя. На каждом концерте. На каждом спектакле. Актер Высоцкий умел убедить поэта Высоцкого, что он и есть тот самый, проклятый судьбой бывший зек, что просит баньку протопить по-белому, а иногда – и по-черному. Тот шальной всадник, что мчится к Богу вдоль обрыва, понад пропастью, по самому по краю. И тот капитан-пограничник, на свою беду рискнувший для невесты собраться на нейтральной полосе цветы необычайной красоты.

Абсурдно, но факт, что не сохранилось ни одной полной видеозаписи спектаклей с Владимиром Высоцким. И это в XX веке, когда видеокамеры стали доступным атрибутом даже для любителей, не говоря уже о профессиональных технических возможностях телестудии. Значит, поколение тех, кто не мог видеть эти спектакли в силу возрастной отдаленности от тех времен, так никогда и не поймут всей уникальности его актерского таланта. Его Галилей и Хлопуша, Гамлет и Свидригайлов, Керенский и Лопухин, непостижимым образом обретавшие черты трагизма и неотразимого обаяния, навсегда потеряны?! Он девять лет играл своего Гамлета, признанного Европой лучшим принцем Датским всех времен и народов, и уму непостижимо, что такого Гамлета никто не заснял на пленку.

Народной молвой вознесен Владимир Высоцкий, в первую очередь, как бард, поэт, киноактер, а он ведь прежде всего был блестящим неповторимым театральным актером. Все остальное – грани его таланта, бесцен-

▼ В роли Хлопуши

▲ В роли Свидригайлова

ные индивидуальные инструменты его актерского дарования. Это не голословное утверждение. Кому доводилось бывать на концертах Высоцкого или хотя бы видеть их видеозаписи, не могли не заметить поразительный контраст эмоционального взрыва и запредельного интонационного накала при исполнении песен с мгновенным переходом в тихую исповедальную тональность бесед со слушателями. Как же это у него получалось, что столько людей самых разных социальных слоев свято верили, что он именно их круга, свой? Самый простой ответ на этот, часто задаваемый ему вопрос, дал сам Высоцкий: «Мне, наверно, проще, чем другим авторам песен, потому что я артист театра, жить в разных образах – моя профессия».

Профессией этой он владел в совершенстве. При этом динамика, развитие, импульсивное озарение в постижении все новых и новых нюансов в образах своих героев сотворяли настоящее чудо. Одного и того же персонажа в одном и том же спектакле он играл каждый раз по-разному. Взрослел, мудрел актер, и вместе с ним росли, становились все драматичнее его сценические образы. Повторюсь, но не могу назвать иначе, как интеллектуальным преступлением, несуществование в природе записей «Гамлета». И не одной премьерной, а нескольких, в разные годы. Проследить бы воочию за восхождением его принца Датского на вершину высокого трагического звучания. Закономерного восхождения...

В 1975 году худрук Театра на Таганке Юрий Любимов пригласил поставить в своем театре любой спектакль на свой вкус мэтра Театра на Малой Бронной Анатолия Эфроса. Великий режиссер выбрал «Вишневый сад» А.Чехова. И взял на роль Лопухина Высоцкого. Это была судьбоносная встреча двух необходимых друг другу художников, двух лидеров абсолютно разных театральных направлений, взаимоисключающей театральной эстетики. Самый ярковыраженный артист наступательно-агрессивной митинговой стилистики Таганки и рафинированный, утонченный мастер психологической драмы, который обладал волшебным даром вытянуть из актера, из самой глубинки его души и подсознания чистое огромное пространство, которое им вместе предстояло наполнить новым смыслом, новым познанием себя и окружающего

мира. Успех результата этой совместной работы двух гениальных театральных личностей общеизвестен. Но был и другой не менее важный результат – с тех пор Володя Высоцкий навсегда вошел в список «своих» актеров Анатолия Васильевича. А сценические образы Высоцкого обрели изыск режиссерских прозрений Эфроса. И не была ли эта творческая встреча откуда-то свыше ниспосланным знаком грядущих трагических событий в жизни актера и режиссера, в разные годы разыгравшихся на подмостках Таганки?

...И этого послеэфросовского Гамлета, уже в 1979 году, увидел тбилисский зритель. Не знаю, каким по счету был спектакль лично для меня, как не помню и того, каким образом я очутилась в те дни в Тбилиси. Но как сиюминутную картинку помню каждый взрыв кульминации разбитого Высоцким на отдельные части хрестоматийного монолога. Это был самый печальный, самый трагичный из всех виденных мною до того его Гамлетов.

Празднично наряженная публика, взволнованная предвкушением встречи с Высоцким, не замечала вовсе, что он уже перед ней, сидит, прислонившись к шершавой поверхности грубо-выбеленного задника сцены. И в его улыбке с характерным изгибом правого уголка губ столько горестной иронии. Столько света и сострадания ко всему живому в неподражаемом взгляде его добрых глаз, что больно щемит сердце. И беспощадной молнией поражает мысль – я вижу это в последний раз.

Это сейчас только ленивый не пишет о Высоцком. А в то время, когда вся страна – от замерзавшего в подворотне алкаша и до представителей высших эшелонов власти – распевали его песни, средства массовой информации воздерживались от упоминания его имени. И вдруг! В тот грустный вечер мой старинный друг и однокурсник Вадим Анастасиади, обрадовавшись нашей неожиданной встрече, предложил написать о гастрольных спектаклях Таганки для редактируемой им тогда газеты «Молодежь Грузии».

Наверно, из нежелания идти на поводу у горестных предчувствий, возникших на последнем для меня «Гамлете», я озаглавила написанный в ту ночь очерк о Высоцком бравадно-оптимистическим: «Быть – вот ответ!» Не избалованный при жизни публикациями о себе, Володя очень радовался тому восторженному опусу, вышедшему на следующий день в «Молодежке». Благослови Господь моих замечательных тбилисских коллег – и тех, кто теперь так «далече», и тех, «кого уж нет». Им тогда было до фени, одобрит высшая инстанция советской прессы пламенные речи никому не известной молодой журналистки о Высоцком, Эфросе, Тарковском... Благодаря моим уважаемым старшим тбилисским коллегам – здесь не могу не назвать святые для меня имена Тамаза Чиладзе и Гурама Асатиани – я могу сегодня, закрыв глаза, смотреть «свое кино», смонтированное из бесценных мгновений общения с гениальными творцами.

Очень люблю замечательные поэтические строки Бориса Пастернака: «Быть знаменитым не красиво...»

Но как не трястись над рукописями архива памяти, из которой можно выудить столько стоп-кадров навсегда зафиксированных прекрасных мгновений? Таких, как та улыбка Володи Высоцкого и несоответствующая улыбке горькая хрипотца грустных слов: «А хорошо, если бы и правда так, да?» - это он о моем безапелляционном «To be!»

Ему оставалось жить меньше года. Если бы знать тогда!

Журналистам тбилисского телевидения так же, как и

мне, не могло прийти в голову, что не существует записи «Гамлета». Иначе, не сомневаюсь, что тот же замечательный мастер своего дела оператор Игорь Нагорный, никогда не пропускавший неординарных событий, схватил бы свою камеру и, никого не спрашивая, на свой страх и риск заснял бы весь спектакль от первой минуты появления на сцене Высоцкого, тихим голосом пронзительно пропевающего: «Гул затих. Я вышел на подмости...», и до последнего, фантастически красивого фатального удара рапирой.

Если бы знать тогда!

Пишу сейчас эти строки и перед глазами отчетливо возникает тот зал уже нового Тбилисского театра музыкальной комедии. Отдельные лица из публики. Солидная дама в зеленом бархатном платье, утирающая слезы кружевным платочком. И возле нее, готова поклясться, были камеры! Что это?! Сегодняшний мираж или ...? Или все эти годы в архивах родного тбилисского телевидения таятся Гамлет Высоцкого? Если бы это было так...

В тот 1979 год тбилисцы узнали еще одну, последнюю театральную роль Высоцкого. Знаковую роль. Свидригайлов в «Преступлении и наказании» Достоевского. Он очень хотел сыграть в этом спектакле Раскольникова, не раз говорил: «Мне интересно было бы побыть этим человеком». Но, как когда-то в «Пугачеве», о роли которого он мечтал, ему выпало быть Хлопушей и превратить доставшийся эпизод в квинтэссенцию драмы, в самую яркую кульминационную сцену есенинской поэмы, так и в этой своей театральной роли он с блеском передал в одном единственном монологе всю противоречивость и трагизм Свидригайлова – человека, неистово жаждущего общения с миром людей и беспроблемно одинокого. Жаждущего жизни и обреченного на неотвратимый уход из нее. В газете «Молодежь Грузии» появилась рецензия и на этот спектакль Ю.Любимова. Наверно, было журналистской дерзостью назвать сей опус ни больше, ни меньше, как «Роман без героя». Но живущая в тот период в мире Достоевского по своим аспирантским делам, я разнесла в пух и прах таганковскую версию истории Раскольникова, подробно остановившись на образе Свидригайлова. Подчеркнув, что от Достоевского в спектакле только и есть что исполнитель

этой роли второго плана. Один из образов, о которых сам писатель говорил: «Главный герой – другой, это всего лишь аксессуар. Но зато какой аксессуар!»

Читая мои разглагольствования, Высоцкий почему-то очень развеселился:

- Круто! Больно сильно круто! - хохотал он. И неожиданно серьезно добавил:

- Не бойсь, Ирина, я им сказал, что тебя зовут Иваном. Пусть ищут.

Кто помнит, в те времена публикации подписывались фамилией автора, имя означалось только инициалом. Грузинские фамилии, на мое счастье, по родам не изменяются. Оказалось, обиженные статьей артисты, занятые в спектакле, ищут мифического Ивана, чтобы шею ему намылить. Немногих, посвященных в мистификацию, придуманную Володей, и охотно подхваченную принимающей стороной – его тбилисскими друзьями, особенно забавляло то обстоятельство, что воинственно настроенные актеры мило улыбались и болтали с «поклонницей театра» по имени Ирина. Фамилией ее, к счастью, никто не интересовался. Замечу в скобках, поклонницей Театра на Таганке я никогда не была. Слишком все это было для меня эпатажно, агрессивно-наступательно и политизировано. И еще почему-то вселяло смутную тревогу. Странно, почему? Гениальный режиссер Юрий Любимов, поставивший много интереснейших спектаклей. Талантливые актеры, быстро ставшие известными, узнаваемые в народе по ролям в театре и кино. Вся творческая и литературная элита Москвы состояла в общественном художественном совете Таганки. А чиновничья «гонимость» создавала театру почитаемую в то время репутацию смелого свободомыслия. Казалось бы, что не так? Наверно, то, что вычитываем сейчас в книгах воспоминаний, которые главным образом посвящены теме запоев и неявок на спектакли «дорогого друга» Володи Высоцкого, его парижскому черному вельветовому костюму и машинам с маркой иностранных производителей. «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так!..»

Чтобы до конца понять причины возникновения той самой непонятной тревожной нотки, надо было узнать о том, что «случалось» шестнадцать лет жизни Высоцкого на Таганке и шесть лет после его ухода. Надо

▲ В спектакле «Преступление и наказание»

было свершиться двум трагедиям двух великих художников...

Среди актеров распространена примета – сыграл нечистую силу, жди беды. Но почему прекрасный принц Датский принес Высоцкому столько боли?

Соперничество между актерскими амбициями – неизбежный спутник закулисья всех эпох. Соперничество среди актеров Таганки отчетливо носило характер общего стиля театра – наступательного, задиристого. Жить каждодневной будничной жизнью рядом с гением и заниматься тем же делом, наверно, нелегко. Винить за это некого, да и не нужно. Судить за неизбежность возникновения ситуации «брат мой – враг мой» тем более ни к чему. Конечно, все они – молодые, талантливые, успешные, каждый по-своему восхищались Володей Высоцким. Ценили благородную черту его характера – умение радоваться успехам других, как своим собственным. Платить ему тем же – не всегда удавалось. И не всем. Слишком ярким дарованием ворвался в слаженную команду Высоцкий и слишком быстро взлетели ввысь его популярность и всенародное признание.

«В своей жизни я больше всего ценил и ценю друзей... больше жены, дома, детей, успеха, славы, денег – друзей. Я так живу...» - эти слова Высоцкого из опубликованных дневников «Все в жертву памяти твоей...» Валерия Золотухина.

Когда Высоцкому было так плохо, что, казалось, это конец, и если его и увидят в театре, то очень не скоро, он вдруг заявлялся за пару дней до спектакля, смеялся и пел новые ошеломляющие песни, сочиненные в больнице:

«Я куплет допою.

Я еще постою на кр-р-р-аю...»

И пел, вплоть до рокового дня 25 июля 1980 года.

Когда-то на заре расцвета театра, если у Высоцкого спрашивали: «Правда, что без Высоцкого не было бы Театра на Таганке?», артист горячо и искренне отвечал: «Это Высоцкого не было бы без Таганки!» А вопрос оказался пророческим. Самое яркое действо, созданное на сцене Таганки после Высоцкого... о Высоцком. Ю.Любимов мастерски собрал воедино глубоко запрятанные чувства своих актеров, не всегда праведные по отношению к лидеру и всколыхнувшиеся покаянной болью после его смерти. Яркий, предельно напряженный спектакль «ВВ», премьера которого состоялась 25 января 1981 года.

А потом уехал на Запад Юрий Любимов. Таганку возглавил Анатолий Эфрос, который мог дать театру новую жизнь, новую духовную красоту. Увы! Годы «каторги» в невыносимых для преданно любящего свое

дело блестящего художника закончились катастрофой. Но это уже совсем другая драма, которой могло бы и не быть, если бы был Высоцкий.

В прошлое наплывают свои, живущие в памяти и дорогие сердцу картины последних встреч с Высоцким в жизни и, конечно, в театре.

...Жаркий август. На раскаленном солнцем пицундском пляже сидят кружочком три женщины. Три мудрые, молчаливые и очень красивые женщины. Вокруг них аккуратно сложены рулоны непрезентабельной «совковой» туалетной бумаги. Удручающе серого и нахально радостного розового цвета. Ловкие пальца знакомой художницы плетут из этих грубоватых лент длинные косички. Еще несколько виртуозных, как у фокусника, движений ее красивых рук, и на распущенных, мокрых от соленой морской воды светлых волосах сидящей рядом молодой женщины в простом ситцевом сарафане, появляется элегантная широкополая шляпа. Через считанные минуты шляпка совсем иного кроя украшает изящную головку рядом сидящей другой красавицы. А у самой кромки береговой волны стоят трое мужчин. Смотрят в морскую даль и о чем-то своем... молчат.

Удивительно спокойный, но и в этом безмятежном спокойствии словно заглушающий своей внутренней силой пляжный гомон Володя Высоцкий. Светло-улыбчивый, скромный до робости, творец фантастической музыки Альфред Шнитке. И подвижный, точно все время бегущий за своими видениями кинорежиссер Александр Митта. В этот дивный день их связывает нечто неизмеримо большее, чем недавно снятый фильм «Арап Петра Великого». Теплая волна нежности и чуткости плавно несется к ним от тех трех прелестных женщин, которых, как показалось бы непосвященному зрителю, не волнует ничего, кроме новых шляпок.

Так велика была заразительная сила гармонии любви, мудрости и женственности этих красавиц-жен, что нечто очень важное согрело мою душу в эти минуты и осталось в ней навсегда. То было познание чего-то высокого, очищающего, щемяще грустного. Выражение лица выдало, наверно, мое состояние. Улыбаясь «улыбкой огромной и светлой, как глобус», улыбкой пастернаковской художницы, передо мной возникла «шляпная мастерица» и, ласково проведя ладонью по моим взъерошенным волосам, легко приладила к ним кокетливую шляпку. Первую и последнюю в моей жизни. Посвящение в веру верности осталось навсегда.

В то лето постоянные отдыхающие сказочного Дома творчества Пицунды к ужасу местной администрации повадились устраивать ночные заплывы. А вдоль берега бегала босоногая богиня мирового киноэкрана и звонким голосом русской девчонки кричала в кромешную морскую темнотищу: «Принц, вернись!» Как жаль, что равнодушные не смогли или не захотели услышать ее чистый голос.

Как бы драматична ни была жизнь Владимира Высоцкого, она вся, всегда и во всем была пронизана его звонкой и хриплой, мужественной и нежной поэзией, высокой лирикой. Нашей памятью об этом и жив сегодня Володя Высоцкий. Смысл любой формы воспоминаний – вечная мечта остановить прекрасные мгновенья. И тогда на нейтральной полосе, у границы дозволенного и недозволенного навсегда останутся не расплывшимися «цветы необычайной красоты». А в синеве, над вершинами заснеженных гор, долго-долго будет звучать родной всем нам голос: «Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним, мне есть, чем оправдаться перед ним».

Ирина ШЕЛИЯ
г.Москва

ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ (ТИХОН ВЛАДИ) К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

ПОЮЩИЙ СОГЛАСНЫЕ...

Он рожден был поэтом, певцом и прекрасным актером,
И мелодии тоже звучали в его голове!
Жил, творил, как хотел, с фантастическим, адским напором!
И артистом служил на Таганке, в театре, в Москве...

Шел всегда напролом, не умея ступать осторожно!
И не так, как другие поэты выстраивал стих!
Он согласные пел, доказав, что и это возможно,
Не желал подражать, вот и был не похож на других!

Это он написал «Белый вальс», и я плачу от счастья,
Что такие стихи вообще появились на свет...
А в «Конях» его столько кипящей, неистовой страсти,
Что напрасно такое пытаться искать – просто нет!

Соберите бойцов и врубите, чтоб громко звучало,
(Только много динамиков мощных управятся тут!)
Как «Мы землю вращали, толкнувшись ногой от Урала!»
И рванутся бойцы! Всех врагов на куски разорвут!

А еще он любил, и опять не по правилам «нашим»:
Просто жить без проблем не умел он, в бравате с бедой!
Хоть и звали Мариной ее, говоря по-русски, Машей,
Но была она их, а не нашей – французской звездой.

Он ушел молодым, не дождавшись регалий и званий,
И Москва на Ваганьково вся провожала его...
То был памятный год олимпийских у нас состязаний,
Но в тот день на трибунах, уверен я, быть не могло никого...

Он ушел, но оставил для нас то, что цен не имеет:
Свою «Баньку», «Смотрины», «07», и «Свою колею»,
И «Балладу о детстве» и «Плод», все от них фонареют...
И во всех его песнях я каждую строчку люблю...

Он ушел, но остался навечно, он здесь, рядом с нами!
И себя не жалея, он рвет свои связки для нас!
Он взломал этот мир, он пронесся подобно цунами,
Но мне кажется, все-таки, нас не убил он, а спас!

Январь 2013 года

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

В преддверии новогодних праздников театр-студия юного актера «Золотое крыльцо» представила на сцене Малого зала Грибоедовского театра спектакль по весенней сказке А.Н. Островского «Снегурочка». Режиссер спектакля – заслуженная артистка Грузии, художественный руководитель студии Ираида Квицинадзе. В качестве музыкального оформления спектакля были выбраны произведения западноевропейских композиторов XIX века, русские народные песни, а также композиции современного польского автора Яна Качмарека. Песенный фольклор органично сливается со стилизованными «а ля рус» танцами, исполненными актерами безупречно (хореография Давида и Гурама Метревели). Спектакль, заявленный как сказка для взрослых, идет без антракта около полутора часов и воспринимается зрителем на одном дыхании. В зрительном зале присутствовало немало ребят младшего школьного возраста, но происходящее на сцене, «чувства и судьбы главных героев настолько увлекли нас, что мы словно забыли о вымысле и всецело сопереживали любовным коллизиям пьесы...», - сказала по окончании спектакля мама одного семилетнего зрителя. Немного смущаясь, он согласился: «Снегурочка такая красивая, очень жаль, что она растаяла».

Действие происходит в сказочной стране беренде-ев. Бог Солнца, «ревнивый» Ярило поклялся погубить

дочь Весны и своего заклятого врага Мороза – Снегурочку, лишь только в сердце ее зажжется огонь любви. В надежде уберечь дочку от беды, родители решают спрятать ее среди людей – отдают на воспитание к бездетным Бобылю и Бобылихе. Снегурочка всей душой тянется к забавам и играм молодых людей, мечтает петь и плясать с ними, любить как люди. Но чувство любви не знакомо Снегурочке. Получив же его в дар от матери-Весны, Снегурочка открывает перед собой новый удивительный мир, однако губительными для нее оказываются лучи солнца. Сбывается заклятие Ярило.

*... Какой восторг! Какая чувств истома!
О, мать Весна, благодарю за радость,
за сладкий дар любви!
Какая нега томящая течет во мне!
О, Лель, в ушах твои чарующие песни,
В очах огонь... и в сердце... и в крови во всей огонь...
Люблю и таю, таю от сладких чувств любви...*

Студия юного актера «Золотое крыльцо» существует в Тбилиси при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» уже три года. За это время было выпущено более десятка спектаклей. В репертуаре «Золотого крыльца» Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Чехов, Куприн и Тургенев, по-

становки по произведениям современных авторов – Ники Квижинадзе, Тихона и Тины Влади. На этот раз для сценической постановки режиссер И.Квижинадзе взяла очень сложную стихотворную пьесу-сказку А.Н. Островского «Снегурочка» и создала спектакль, художественные достоинства которого оправдали самые смелые ожидания.

Режиссер нашла точную пластическую форму передачи всех состояний человеческого чувства, от момента зарождения его до высшей точки – кристаллизации.

Порой жест, движение, пластическое решение сценического пространства оказываются убедительнее слова. Однако, актеры «Золотого крыльца» не пренебрегли текстовой партитурой пьесы. Им удалось тонко и органично вплести ее в пластическую ткань постановки, переноса публику в «Русь изначальную» - царство берендеев, живущих идеалами красоты, чести, любви. И вот зритель становится «свидетелем» событий, словно некогда произошедших, и искренне верит, что Снегурочка в финале тает на самом деле...

Серьезная работа была проведена Ираидой Квижинадзе с оригинальным текстом Островского. Были выпущены или «сглажены» все сцены, где присутствует сатира, ирония. У Островского пьеса-сказка изобилует бытовизмами: скоморохи ругаются чуть не до драки, Бобыль и Бобылиха позволяют себе весьма неизысканные выражения, деревенские парни тоже не отличаются вежливостью.

Взгляд режиссера-постановщика нынешней «Снегурочки» сосредоточен прежде всего на истории любви и тех жертвах, что совершаются во имя ее. Следует еще раз упомянуть, что спектакль был сыгран студийцами без антракта. Со сложнейшей речевой архаикой текста «Снегурочки», вживанием в образы и характеры героев, воспитанники Ираиды Квижинадзе справились блестяще. Трудно выделить какую-то одну актерскую работу. И трогательная нежность ледяной красавицы Снегурочки (Кристина Бериашвили), ее тоска о любви, и страстность неверного красавца-Мизгира (Эрик Тарханидис), отеческая суровость Мороза (Леван Тарханидис) и материнская тревога Весны (Тамар Бобохидзе, Мария Асламазова), шумные хороводы берендеев, страдания отвергнутой Купавы (Мария Асламазова, Тамар Бобохидзе) и мудрость «отца земли своей» царя Берендея (Владимир Новосардов), проказы защитника Снегурочки Лешего (Александр Григорян) нашли отклик в сердцах зрителей и заслужили бурные аплодисменты.

Но не только замечательной работой актеров и режиссера был обусловлен успех спектакля. Вероятно, причина кроется и в «вечном» сюжете пьесы. В наше время очерствения сердец и всеобщей нелюбви, драматичная история дочери Мороза и Весны, завоевавшей дар любви ценою собственной жизни, совершенно необходима зрителю. Заложенный в пьесе конфликт актуален как никогда: разучился современный человек любить. Погружение в мир «чистой поэзии и романтики» (К.Станиславский) Островского для зрителя – возможность еще раз задуматься о смысле и истинных ценностях жизни, о том, что ведет нас к «сердеч остроте» и утрате «блага, чувства, великого дара природы, счастья жизни, весеннего цвета ее». За труд преобразования души и облагораживания наших чувств скажем режиссеру Ираиде Квижинадзе, коллективу актеров «Золотого крыльца» и всем, кто участвовал в создании спектакля, огромное спасибо! Bravo, «Золотое крыльцо»!

Юлия СИБЕРСКАЯ

▲ Сцены из спектакля «Снегурочка»

ДВЕНАДЦАТЬ – ЧИСЛО МАГИЧЕСКОЕ

СКАЗОЧНАЯ ФЕЕРИЯ НА ГРИБОЕДОВСКОЙ СЦЕНЕ

Любимые с детства герои самой новогодней сказки – «Двенадцать месяцев» Самуила Маршака – получили пропуску на Большой сцене Театра имени А.С. Грибоедова. В праздничные дни, словно по мановению волшебной палочки, зрители очутились в зимнем лесу вместе с бедной Настей (Мариам Кития), а затем перенеслись во дворец, где юная и капризная Королева (Нина Нинидзе) тщательно выводила на приказе глагол «казнить» вместо «помиловать» – потому что первый короче второго. И никакие аргументы и упреки эксцентричного Учителя (Арчил Бараташвили) не смогли изменить этого легкомысленного решения сумасбродной девчонки... как и другого: во что бы то ни стало заполнить зимой подснежники, которые,

увы, не выращивают в королевской оранжерее. «Но подснежник – цветок дикий!» - тщетно пытается убедить ее величество Садовница (Медея Мумладзе).

Конечно, передать всю прелесть произведения Маршака – дело не простое, но создате-

лям спектакля – актерам вместе с молодым режиссером-постановщиком из Санкт-Петербурга Дмитрием Павловым – удалось главное: создать атмосферу волшебства, сказочную феерию. В немалой степени этому способствовало и художественное оформление спектакля, красочные костюмы (художник спектакля Тамара Мачарашвили, заведующий постановочной частью Александр Цветков), световые эффекты (Давид и Темур Сухишвили) и... музыка Георгия Свиридова. Знаменитая тема из кинофильма «Метель» в соединении с выразительными хореографическими и пластическими сценами (Давид Метревели) удачно связалась с собирательным образом Двенадцати месяцев (Александр Лубинец – Январь, Олег Мчедлишвили – Февраль, Лаша Гургенидзе – Март, Василий Габашвили – Апрель, Александр Хлебников – Май, Артур Баласанян – Июнь, Дмитрий Спорышев – Июль, Гурам Черкезишвили – Август, Михаил Амбросов – Сентябрь, Арчил Бараташвили – Октябрь, Христофор Пилиев – Ноябрь, Михаил Арджеванидзе – Декабрь). Движение Двенадцати месяцев по кругу сцены символизирует в спектакле смену времен года, круговорот в природе. Этот собирательный образ в спектакле грибоедовцев вполне в духе С.Маршака, ведь он стремился произвести на зрителя единое и цельное впечатление. Поэтому

месяцы существуют вместе, как один образ, ведущий и направляющий действие, «почти античный хор», как говорил сам писатель.

Характерность в спектакле – это, прежде всего, королевское окружение: Канцлер (Михаил Амбросов), Гофмейстерина (Инна Воробьева), Учитель (Арчил Бараташвили). А также «сладкая парочка» – Мачеха (заслуженная артистка Грузии Ирина Квижинадзе) и Дочка (Нина Калатошвили)... По прихоти режиссера, в спектакле неожиданно появляется национальный колорит: в королевской свите мы замечаем бравого грузина в чохе (Александр Лубинец).

Спектакль «Двенадцать месяцев» театр посвятил 125-летию юбилею Самуила Маршака. Проект осуществлен при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». «Двенадцать месяцев» - часть широкомасштабной благотворительной акции «Русского клуба», осуществляемой благодаря помощи Фонда КАРТУ.

Перед премьерным спектаклем на сцену вышел директор театра и президент «Русского клуба» Николай Свентицкий. В своем выступлении он отметил, что все праздничные спектакли посвящены двум датам – 35-летию интронизации Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха Всея Грузии Илии II и 80-летию со дня его рождения. Святейший почтил своим присутствием премьеру грибоедовцев. Среди гостей были также знаменитый певец, основатель благотворительного фонда «Иавнана», посол доброй воли ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ Паата Бурчуладзе и супруга премьер-министра Грузии Екатерина Хведелидзе с сыном Цотне.

Благотворительный спектакль «Двенадцать месяцев» посмотрели воспитанники детских домов, а также маленькие пациенты реабилитационных центров, дети из семей беженцев. А потом получили в подарок праздничный набор сладостей и книжку «Рождественский подарок» с произведениями Ильи Чавчавадзе на русском и грузинском языках из серии «Детская книга». Уже четвертый год «Русский клуб» выпускает в этой серии адаптированные издания для грузинских читателей. Издание произведений И.Чавчавадзе приурочено к 175-летию со дня рождения великого грузинского писателя. В фойе была развернута экспозиция детских рисунков, принявших участие в художественном конкурсе «Отчизна славная моя» по произведениям Ильи Чавчавадзе – его тоже организовал Союз «Русский клуб».

«ТЕАТР – ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ»

Режиссер-постановщик спектакля Дмитрий Павлов получил режиссерское образование в Санкт-Петербурге. В настоящее время он режиссер Санкт-Петербургского Интерьерного театра. С ним побеседовала корреспондент «РК».

- Дмитрий, почему вы выбрали для постановки именно «Двенадцать месяцев»?

- Это очень хорошая драматургия. Оригинальная, масштабная, в чем-то infernalная пьеса. Мне было интересно работать в Театре имени Грибоедова, с его труппой, талантливой молодежью. Кстати, в Тбилиси я не случайно. До 15 лет немало времени проводил в этом городе – здесь живут мои близкие родственники. Так что я рад, что мне довелось здесь и спектакль поставить...

- Вы художественный руководитель и директор театральных программ международного фестиваля

Vyborg Intelligent Performance. Расскажите, пожалуйста, об этом.

- Мы создали его вместе с друзьями, неравнодушными к городу Выборгу. Это очень красивый, уникальный город с интересной историей, замечательными архитектурными ансамблями – он был основан шведами в средние века. Принцип фестиваля – его миграция по разным историческим точкам города. Через призму искусства рождается новый взгляд на те или иные архитектурные объекты. Заслуженный артист России, лауреат Государственных премий актер Александр Девотченко назвал театральный Выборг вторым Авиньоном. Ведь в этом городе сейчас проводится много фестивалей – например, кинофестиваль «Окно в Европу». Каждую весну Выборг участвует в петербургском фестивале искусств «Белые ночи». Сюда приезжает Мариинский театр. Проводится здесь известный международный джаз-фестиваль... Но театрального фестиваля не было, и вот мы решили исправить эту ситуацию. Мы провели уже три фестиваля. Это было непросто. Фактически Vyborg Intelligent Performance проводится без финансовой поддержки. Это, можно сказать, диссидентский фестиваль. Мы организуем его на средства своих друзей, предпринимателей. Это, скажем так, инициатива низов. Но фестиваль – удовольствие очень дорогое. Каждый раз на улице создается практически новая сценическая площадка. Фестиваль пользуется большим успехом. За годы его существования в нем приняло участие немало интересных, известных кол-

▲ Почетные гости на премьере

лективов. Наш фестиваль – театрально-музыкальный. На нем в дневные часы выступают серьезные музыканты, а вечерами проходят театральные представления. Фестиваль еще молодой и только набирает обороты... Мы стараемся никому не отказывать в участии – главное, чтобы гостям подходили условия и формат сцены. Главное условие – участие профессиональных коллективов, так как этот фестиваль не призван открывать молодые таланты. Хотя при этом наш принцип – театр без границ. Vyborg Intelligent Performance – не состязание театров, а просто подарок городу. Чтобы горожане могли прикоснуться к тому, что сегодня представляет современный театр.

- На последнем выборгском фестивале была представлена и ваша постановка «Третий лишний, или Принципиальные анекдоты» по пьесе Сергея Носова «Тесный мир».

- Сергей Носов – это, не побоюсь сказать, Достоевский, Гоголь нашего времени. «Тесный мир» - его ранняя пьеса. Драматург был на премьере спектакля. Мне было очень приятно поработать в союзе с драматур-

▲ Сцены из спектакля «Двенадцать месяцев»

гом, так как режиссерам не часто доводится общаться с авторами пьес, над которыми они работают. А это всегда очень полезный опыт. И мне отраднo, что мы с Сергеем Носовым нашли созвучие в художественном воплощении его пьесы, наши представления о творчестве совпали, и Сергей в итоге был доволен. Я поставил спектакль с участием выпускников Петербургской театральной академии, мастерской Николая Беляка.

- Вы предпочитаете на данном этапе работать с современной драматургией?

- В современной петербургской драме как всегда, так и на сегодняшний день, происходит стремительный рост... Большое удовольствие прикасаться к этим материалам.

- Чем отличается петербургская театральная школа от московской?

- Питер более подробный, совестливый, больше хранит отношение к живому театру, существует в собственном ритме по особенным собственным законам. Он может, слава богу, позволить себе такую роскошь – создавать подлинное искусство. Беречь традиции, что не мешает ему всегда быть в авангарде – в нем это уникально, мистически сочетается. Но это не значит, что одна школа – хорошая, а другая – плохая. Можно бесконечно раскодировать, что такое Петербург и театр в нем.

- Когда вы почувствовали, что должны заниматься именно театральной режиссурой?

- Сколько себя помню, столько и хочу работать в театре. Потому что творчеством я занимался с детства. С 14 лет уже начал играть на сцене, занимался музыкой. В один момент все мои увлечения, склонности сублимировались в потребности заниматься именно режиссурой. Когда стал задавать слишком много вопросов – жизни, себе...

- Режиссура помогает вам находить ответы?

- Во всяком случае, более скрупулезно и точно ставить вопросы. Они, эти вопросы, направляют нас, и мы решаем, как должны поступать.

- Вы по жизни перфекционист – стремитесь к совершенству?

- А без этого невозможно. Потому что любое дело, особенно в искусстве, не терпит половинчатости. Совершая творческий акт, мы отдаемся полностью, с головой, потому что за ним стоим не только мы.

- Говорят, нет предела совершенству.

- А дело вовсе не в том, чтобы объять... совершенство. Театр – это живое искусство, процесс. Главное – попытаться сделать для мира, для человека что-то лучше. Здесь не может идти речь ни о каком достижении совершенства. Когда мы достигаем результата и довольствуемся собой, тогда и заканчивается живой процесс – театр начинает существовать на мертвом поле.

- А что же такое сегодня – живой театр?

- Это бездонный вопрос. И это можно бесконечно вскрывать! Живой театр – это ежеминутное, ежесекундное «вскрытие» человеческой души, континуальная работа, прикосновение к болевым точкам сегодняшней жизни. Живой театр – это пульс времени. Речь не идет о примитивно понимаемой актуальности... Здесь еще уместен синкретизм, когда из столкновения каких-то моментов высекается некая искра. И все становится узнаваемым – это про нас! В двух словах трудно сказать о том, что такое живой театр. Легче поговорить о том, что такое неживой театр. Потому что не хочется говорить о зрелищности, некоем развлечении. Немногие могут сегодня позволить себе такую степень свободы. Кто-то просто выживает и заигрывает с коммерцией.

- Кого вы считаете представителями живого театра в Петербурге?

- Это Вениамин Фильштинский, Лев Додин, Николай Беляк. Это некий монастырь! Здесь не гонятся за зрелищностью, а действительно посвящают свою жизнь живому театру. Но, к сожалению, и питерский театральный фронт представляет собой неоднородное явление. Питер постепенно меняется не в лучшую сторону. Я бы очень хотел надеяться, что это временное явление. Но, к сожалению, многое утрачивается, театр уподобляется новым тенденциям в жизни. Тут сказывается и необходимость выживания, и невероятные скорости нашей жизни. Но так не может долго продолжаться. Рано или поздно человек под этим гнетом все-таки обращается внутрь себя. И я верю, что мы вернемся к истокам, а именно – к живому искусству.

- А то, чем вы занимаетесь, - миссия, работа или это называется как-то иначе?

- Не знаю, как сформулировать... Театр для меня – это и работа, конечно, но я бы не стал ограничивать режиссуру понятием «работа». Это нечто большее. Какая-то потребность в чем-то большем, явления, которые распоряжаются за нас.

- Всегда приходится чем-то жертвовать ради этого?

- Да, поэтому это больше, чем просто работа. Приходится приносить в жертву многое, отдых, личную жизнь... Но в данном случае я не хочу представлять себя какой-то жертвой. Конечно, гораздо больше я получаю от своей профессии радости.

- Театр – это радость?

- Театр – это парадоксальное явление. И радость ли это?.. Я думаю, да. Не хотелось бы выражать словами это явление – театр. Как сказал Дебюсси, там где слово бессильно, начинается музыка.

- А как относитесь к зрелищной стороне театра?

- Мне все-таки хочется верить, что театр это немножко больше, чем просто зрелище. Актер на сцене священнодействует, а не занимается самолюбованием.

- Считают, что в театре в идеале все должно быть подчинено одному человеку – режиссеру-гuru, заслужившему безусловное доверие актеров.

- Многое, конечно, зависит от режиссера. Он задает направление. Здорово, когда во главе театра стоит гuru, однако и профессиональные качества актера играют очень большую роль. Потому что даже если актер не вполне удовлетворен задачами режиссера, то со своей задачей должен справляться и превращать этот процесс в удовольствие. Не всегда нужно надеяться на то, что тебя будут обслуживать. То, о чем вы говорите, – идеальный макет! Но жизнь так редко распоряжается. На первом месте должен быть собственный профессионализм, то, чем ты сам занимаешься.

- Как быть режиссеру, если он не может добиться от актера нужного результата?

- Все очень индивидуально, и это уже момент методологии. Мне важен процесс работы с актером, а не результат, так как его, по сути, не может быть. Бывают разные обстоятельства, условия, сроки, возможности... То, что работает на выпуск спектакля. Но все-таки мне важен процесс, поиск некоего ключа, возможностью пробы, чтобы театр все-таки оставался живым. А погоня за неким «результатом» и зрелищностью – это убивает сотворчество.

- Кшиштоф Занусси сказал недавно: «Театр – семья»... Так ли это? И не мечтаете ли вы создавать собственный театр?

- Мне интереснее работать с разными театрами – наверное, в силу возраста. Поэтому о своем театре пока не думаю. Это другая степень ответственности, а не

▲ Воспитанники интерната – благодарные зрители

только творческой состоятельности. Необходим момент оспенения, что ли. Есть театр, с которым мне хотелось бы продолжить сотрудничество, - это Интерьерный театр. Это настоящая профессиональная школа. Речь идет о художественном руководителе Николае Беляке – это очень серьезная фигура на петербургском театральном фронте, действительно настоящий мастер своего дела. Мне нравится работать в союзе с ним, продолжаю многому у него учиться. Театр – семья? Хорошо, когда существует группа единомышленников, связанная общими творческими устремлениями, когда они могут этим жить, находиться в постоянном поиске, а не «вахту отстаивать». При таком подходе можно репетировать и на подоконнике.

- Иногда говорят, что театр с определенными творческими установками может существовать лет десять, не больше – а дальше нужно расходиться или в корне менять эстетику.

- Сложно сказать. Есть коллективы, которые по 60 лет вместе существуют и еще продолжают свои традиции. Но в любом случае нужен прилив свежей крови – молодежь.

- Говорят, режиссером можно стать только после сорока...

- Пожалуй, это так. Режиссер – профессия второй половины жизни. Ты приобретаешь жизненный опыт, а режиссура – это, прежде всего, твой жизненный опыт, накопление впечатлений, которыми ты можешь поделиться со зрителями.

- Вам уже есть чем поделиться?

- Надеюсь, что да.

- Расскажите о самых сильных театральных впечатлениях последнего времени.

- В Петербурге происходит много любопытного. Мне нравится то, что делают Валерий Фокин, Лев Додин. Отрадно, что Юрий Бутусов снова вернулся в Петербурге, так как его постановки всегда являются открытием. Есть коренные петербуржцы разных направленных и театральных движений – например, очень интересный авангардный проект – Русский инженерный театр «АХЕ» и еще множество начинающих... На меня произвели впечатление многие работы тбилисских режиссеров – постановки Свободного театра в режиссуре Автандила Эдуардовича Варсимашвили, спектакль «Психоз 4.48» в театре музыки и драмы. Тепло отношусь к работам Резо Габриадзе. А вообще я благодарный зритель.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЧАРОДЕЙКОЮ ЗИМОЮ

- Что происходит на свете? - А просто зима.
  - Просто зима, полагаете вы? - Полагаю.
  - Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
в ваши уснувшие ранней порою дома.
  - Что же за всем этим будет? - А будет январь...
- Ю.Левитанский. «Диалог у новогодней елки»

«ВОТ И ЯНВАРЬ НАКАТИЛ-НАЛЕТЕЛ БЕШЕНЫЙ, КАК ЭЛЕКТРИЧКА...»

За окном январь-месяц, по-тбилиски непредсказуемый: солнечный день сменяется другим, но уже с хлопьями мокрого снега, а вслед им следующий – ветреный, с клочьями туч в глубоко-синем небе. Несмотря на капризы погоды, все равно переполняешься чувством счастья и радости, ожиданием необычайных свершений и непременно – «необыкновенного» чуда. Ты пока еще не знаешь, каким оно должно быть, но, уже предчувствуешь его...

Твой Новый Год по темно-синей волне среди моря городского плывет в тоске необъяснимой, как будто жизнь начнется снова, как будто будет свет и слава, удачный день и вдоволь хлеба, как будто жизнь качнется вправо, качнувшись влево.

И.Бродский. «Рождественский романс»

Январь на Руси был богат на прозвища: студенец, перезимье, просинец, ледень, зимец, прозимец, Василь-месяц, просияние. А прочно вошедший в языковой обиход «январь» произошел от имени римского двуликого божества дверей, входов и выходов Януса. Именно в Древнем Риме стали отмечать Новый год 1 января – так повелел сам Юлий Цезарь. Хотя надо сказать, что в Месопотамии в III тысячелетии до н.э. уже

существовал этот праздник. В России Новый год стали праздновать по указу Петра I.

В детстве страшно хотелось, проснувшись 1 января, выглянуть во двор и увидеть за окном падающую пелену белых хлопьев. Новый год всегда связывается с очищением. Тем более, что вслед ему идут великие праздники – Рождество и Крещение.

Каждый год чародейкою Зимую сказка становится явью, сказка рядом. В последние годы в Тбилиси появилась традиция: на горе Мтацминда в новогодние дни Товлис Бабуа – грузинский Дедушка Мороз, встречается с детьми и раздает подарки. А артисты многих тбилисских театров созывают на новогодние представления юного зрителя. В репертуаре и «Снежная королева», и «Щелкунчик», и «Двенадцать месяцев», и «Рождественская сказка», и «Морозко», и многие другие.

Шаг за шагом по всему земному шару Новый год вступает в свои права. В этом году по китайскому гороскопу Новый год (в Китае «Чуньцзе», он же праздник Весны) наступит 10 февраля. Именно в этот день Дракон, символ прошлого года, уступит место Черной Водяной Змее. 2013 год будет проходить под знаком мудрости. Не бойтесь умничать, Змея это только одобрит.

Дома в Китае украшают цветущей веткой персика, абрикоса (это время цветения фруктовых деревьев) или же мандариновым деревцем. В Грузии, кроме традиционной ели – «синяя крона, малиновый ствол, звяканье шишек зеленых...» (*Б.Окуджава*), ставят «чичилаки». Это новогоднее деревце с веточками-стружками, украшается мандаринами и сухофруктами. Раньше повсеместно «чичилаки» сжигали, чтобы в прошлое ушли все семейные невзгоды. Традиция была связана с Днем святого Басила – Василия Великого-Кесарийского. Православная церковь 1(14) января отмечает день его поминовения. В некоторых регионах Грузии к новогоднему столу пекли в честь него особые хлебные

лепешки – «басила».

По старому стилю Васильев день – это Старый Новый год – 14 января. Как встретишь его, так и год проведешь. Ему предшествовал Васильев вечер – Щедрованье (Щедрый вечер). На Руси в деревнях варили кашу и по ней гадали, что принесет Новый год, а также было принято стряхивать с яблонь снег, чтобы в году был хороший урожай.

2 января в Грузии отмечают Бедоба – день Судьбы. Есть поверье, что в этот день «программируется» наступивший год. Потому все стараются провести день с близкими и любимыми людьми, наполнить его радостью, весельем и смехом. Не здесь ли берет начало грузинское гостеприимство?!

«Когда метель кричит как зверь/ Протяжно и сердито,/ Не закрывайте вашу дверь,/ Пусть будет дверь открыта... Огонь сосны с огнем души/ В печи перемешайте... Дверям закрытым грош – цена,/ Замку цена – копейка...» (Б.Окуджава)

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ... (ИОАН.4:16)

Светлый праздник Рождества Христова несет в себе богатую историю. В Римско-католической и во многих протестантских церквях Рождество отмечают 25 декабря по григорианскому календарю. Русская и Грузинская Православные Церкви, а также некоторые церкви, использующие юлианский календарь (т.е. старый стиль), празднуют Рождение Сына Божьего 7 января.

В древней христианской церкви в честь рождения Иисуса Христа был праздник Богоявления (Явления). Богоявление Господне включало в себя рождение младенца Иисуса, приход и поклонение волхвов, а также крещение Иисуса Христа в реке Иордан. И отмечалось Богоявление 6 января, но со временем праздник подвергся видоизменениям. Так произошло выделение из него Рождества.

*Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма...*

*...Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.*

Борис Пастернак. «Стихи Юрия Живаго.
Рождественская звезда»

А вот фрагмент из стихотворения «Рождество» Иосифа Бродского:

*...Никто не знал кругом,
что жизни счет начнется с этой ночи.
Волхвы пришли. Младенец крепко спал.
Крутые своды ясли окружали.
Кружился снег. Клубился белый пар.
Лежал младенец, и дары лежали.*

Вслед за Рождеством и до Крещения тянутся святки (от старорусского «праздник»). Так и говорили на Руси: «от звезды и до воды». В эти дни колядовали, рядили в шкуры, маски, маскарадные костюмы, гадали на будущее, обменивались подарками, сладостями... Мы отчасти и сейчас следуем этим традициям.

Ближе к 19 января трещат крещенские морозы. И наступает Крещение Господа нашего Иисуса Христа – великое таинство «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

В кафедральном соборе Самеба (Святой Троицы) в Тбилиси в течение года, в том числе и на праздник Крещения, Католикос-Патриарх Всея Грузии Святейший и Блаженнейший Илия II крестит тысячи детей из многодетных семей. Предстоятель на сегодняшний день считается самым многодетным крестным отцом.

С 19 января и вплоть до масленицы православные христиане открывают т.н. свадебные недели. Ибо все из Любви. «И чудо есть чудо, и чудо есть Бог» (Б.Пастернак).

С праздниками, дорогие читатели!

Алена ДЕНЯГА

▲ Члены президиума тифлиского гимнастического общества «Сокол». 1907

ПОЛЕТ СОКОЛА

В дверь гостиничного номера осторожно постучали. «Вас спрашивают», - сказала дежурная и протянула визитную карточку. Вячеслав Коуб, преподаватель гимназии города Кладно. Это имя Николаю ничего не говорило, но название шахтерского города напомнило вчерашнюю поездку...

Август 1950 года. Сильнейшие советские гимнасты впервые приехали в Прагу, на второй конгресс Международного союза студентов, - соревноваться со спортсменами Чехословакии, на родине сокольского гимнастического движения.

В составе советской делегации – Галина Урбанович, Таисия Каменская, Николай Серый, Владимир Лаврущенко, Л.Тимошек, Грант Шагинян, Владимир Беляков и он, Николай Такайшвили, 3-х кратный чемпион страны.

Прямо со стадиона все отправились в Кладно, на пути к которому когда-то была деревня Лидице, возложили венок к мемориальной стене из серого камня. 9 июня 1942 года фашисты расстреляли всех ее жителей – 446 человек, сравняв с землей около сотни домов и даже маленькое сельское кладбище. Чудовищный оскал войны...

«Вас, наверное, удивил мой приход, - сказал Николаю гость, - но я не могу не выразить своего восторга после выступления советских гимнастов. А потом я узнал, что вы из Грузии и соотечественник Георгия Эгнаташвили.

Прага помнит его – это был высший класс!»

А начало было такое. «Послушай, Гургел (так Георгия называли друзья с детства – А.Е.), включайся в наш оркестр», - предложил Вася Гельбах. «Это мне с моими мозолистыми руками, - возразил Георгий, - играть в вашем струнном оркестре?» Вася в свою очередь показывает свои руки и объясняет, что мозоли на них после занятий гимнастикой, они не помеха игре в оркестре. «От гимнастики? Веди меня скорее в вашу группу, а оркестр подождет».

Так, 17-летний рабочий-железнодорожник Георгий Эгнаташвили в 1906 году впервые переступил порог гимнастического зала первой мужской гимназии Тифлиса. Его знали как умелого борца после поединков на Махатской горе, он отличался и на футбольном поле, но нашел свое призвание именно в гимнастике.

Первый же подход Георгия к спортивному снаряду, брусам, привлек внимание Антона Лукеша. Статная фигура, развитая мускулатура голубоглазого светлого новичка бросались в глаза. И еще оригинальные элементы, выполненные легко и ловко. Тренер только спросил: «Почему ты их включил в свое упражнение?» - «Так красивее».

Георгий Семенович не раз вспоминал первую встречу с «папашей» - так любовно за глаза называли Лукеша

▲ Мохов, Эгнаташвили и Урмагов. 1909

его воспитанники. Антон поставил перед ним условия: первое и самое главное – высокая сознательная дисциплина, аккуратность, честность и справедливость. Георгию это подходило.

Опытному гимнасту и педагогу Лукешу (он был начальником Гимнастического общества и приглашен в Тифлис в 1902 году) не составило особого труда отобрать самых перспективных атлетов. Выписали инвентарь и программму пятого Всесокольского слета в Праге (1907), куда по просьбе Лукеша были допущены тбилисские гимнасты. В команде: Антон Лукеш (руководитель и тренер), Георгий Эгнаташвили, Иван Вахек, Фриц Эльзенгер, В.Живной, Роман Бояхчев. Они заняли второе место, уступив только хозяевам – пражанам. Этот огромный успех дал им право именоваться сокольской организацией.

Представитель пражан на закрытии слета сказал: «Мы были соколами с берегов Влтавы, теперь к нам присоединились братья из Тифлиса с берегов Куры первые соколы».

За любезными словами последовало приглашение участвовать в юбилейном слете сокольской организации (50 лет!) и первом славянском слете 1912 года. До него было еще далеко, и предстояло с наибольшей пользой прожить и работать для достижения высокой цели – стать лучшими.

Эгнаташвили, как работающий на железной дороге, имел право на бесплатный проезд по любому маршруту. Руководство кавказского управления образования командировало Георгия в Прагу, на курсы теории и практики сокольской системы (9 июня – 4 августа 1909 года), которые он окончил с отличием и был приглашен преподавателем гимнастики в тифлисскую дворянскую гимназию.

Между тем, дела в сборной складывались не лучшим образом. Иван Вахек, который на предыдущем сокольском слете занял высокое место в личном зачете и мог выступать в высшей группе, отказался быть тренером. Это же право, после окончания пражских курсов, имел Эгнаташвили. Созванный совет тифлиского «Сокола» и руководителей системы образования вывел Вахека из совета тренеров. Он же поручил Эгнаташвили сформировать и тренировать новый состав сборной, которая в 1912 году победила среди 298 коллективов!

Сделать это было очень непросто. Многие местные гимнасты выехали в Россию на учебу. Гайоза Берелашвили пришлось вызывать из Москвы, из Екатеринодара – Гоштофта, из Армавира – Кашояна; позвали в сборную Нониашвили, Новака, Мохова, Урмагова, Гонеля...

Вот о каких событиях спустя 32 года напомнил Николаю Такайшвили гость из Кладно.

В 1912 году команда соколов с берегов Куры было удостоена первого приза слета, лаврового венка и Большого диплома. В личном зачете Г.Эгнаташвили занял 3-е место, И.Кашоян – 4-е, Ф.Новак – 9-е, Г.Берелашвили – 11-е, Гоштофт – 13-е, Нониашвили – 21-е... Результаты шести лучших вошли в зачет команды.

Триумф Г.Эгнаташвили-тренера и всей команды.

Еще до начала соревнований товарищи видели Георгия победителем – в такой боевой форме он находился. Но в команде недоставало одного гимнаста, и Георгий, пренебрегая личными интересами, заявил себя участником командного турнира.

Пражская газета писала: «Прага очарована грузинскими гимнастами. Их упражнения отличает высокая техника, легкость. Особенно хорошее впечатление оставляет Георгий Эгнаташвили. По нашему мнению, он в команде спортсменов №1. Безупречная высокая техника, гибкость и многоцветье упражнений выделяют его от всех своим грузинским огненным темпераментом... Эгнаташвили украсил бы любую команду мира».

На церемонии награждения руководитель российского «Сокола» поздравил Эгнаташвили, тренера и спортсмена, и сказал, что дома их ожидает еще большая награда – российский император Николай II подписал указ о строительстве в Тифлисе гимнастического зала по лучшему по тем временам проекту. Зал построили, когда в Европе полыхала Первая мировая война, и было не до международных встреч по гимнастике, которую все еще предрекли считать буржуазным спортом; было не до соревнований, в которых Георгию предсказывали большие победы.

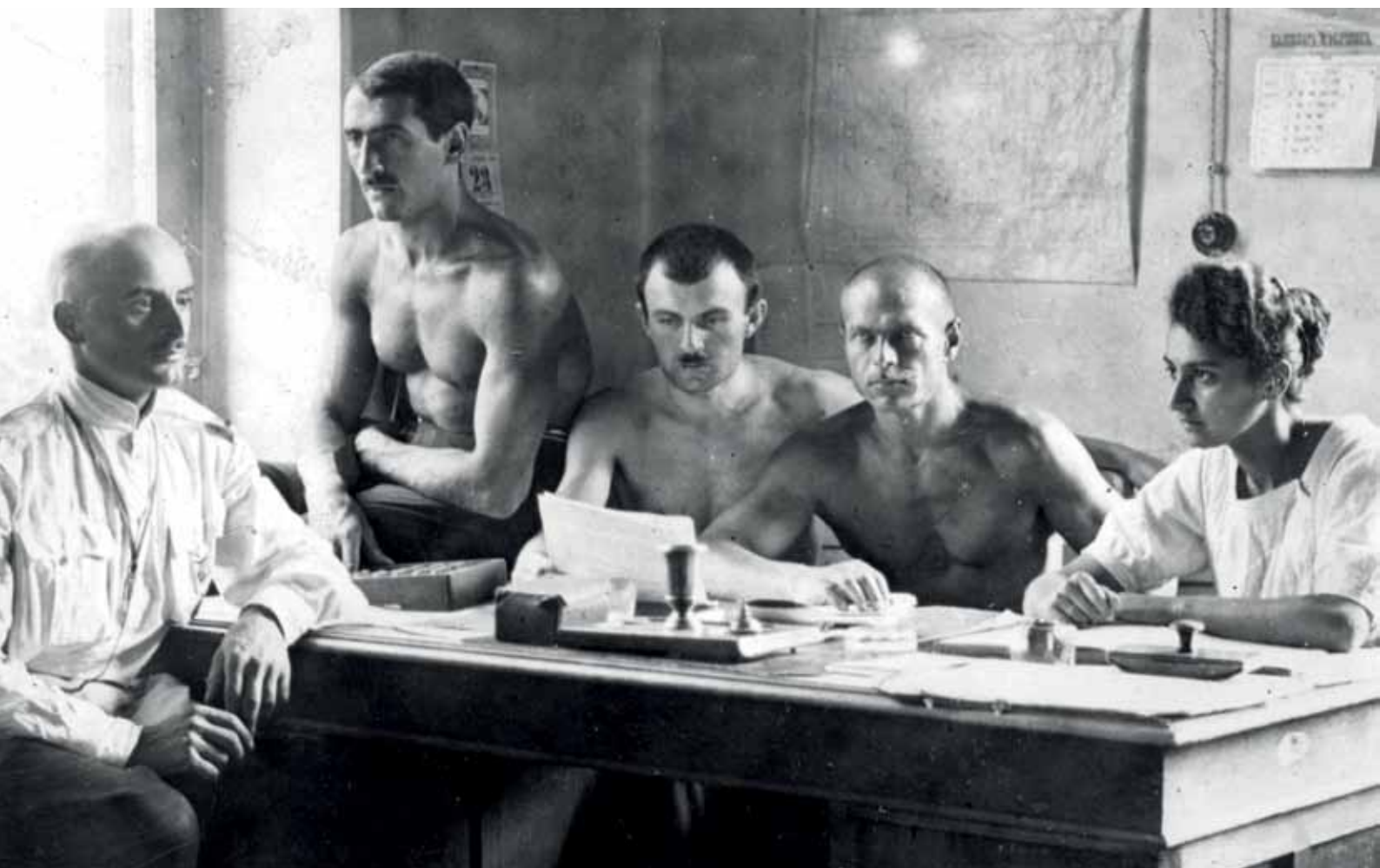
Сменялись правительства и хозяева гимнастического зала, ставшего на многие десятилетия одной из крупнейших спортивных арен Тбилиси, в строительство его не один кирпич положил этот великий спортсмен и человек. А зал долго называли Ленинским, и с ним связаны многие наши общие радости и разочарования...

Какое-то время зал и прилегавший к нему стадион перешли в распоряжение гимнастического общества «Шевардени», созданного в августе 1918 года по инициативе Георгия Николадзе (главой общества был избран Г.Эгнаташвили).

Как вспоминал профессор Академии спорта Автандил Цибадзе, главным в работе общества была высокая дисциплина. И приводил случаи. В совет «Шевардени» входил один из лидеров правительства независимой Грузинской Демократической Республики Ной Рамишвили. Однажды Эгнаташвили сообщил ему о дате и времени проведения очередного заседания совета и попросил присутствовать. Рамишвили дал согласие, но пришел с опозданием. Проводивший заседание Эгнаташвили не разрешил ему войти, пришлось члену правительства возвратиться на работу. Он позвонил Эгнаташвили и извинился за опоздание.

▲ Георгий Эгнаташвили. 1924

▲ Правление общества «Шевардени»: Г.Берелашвили, Г.Николадзе, И.Лордкипанидзе, Г.Эгнаташвили и Т.Николадзе. 1918

С залом связана история, которая могла иметь трагический для Эгнаташвили исход.

В середине мая 1921 года у подъезда остановился отряд красноармейцев. Старший предъявил коменданту Гиге Беридзе мандат о передаче объекта в распоряжение военной власти. Вызванный к непрошенным гостям Г.Эгнаташвили показал справку, выданную 28 февраля 1921 года Грузинским ревкомом о том, что помещение общества «Шевардени», все принадлежащие ему здания и двор не могут быть заняты никакой посторонней организацией или воинской частью (с учетом заслуг Эгнаташвили, его квартира новой властью освобождалась от вселения, а вещи – от реквизиции).

Справка, однако, гостей не убедила – они располагали более поздним решением ревкома. «Откройте двери, - потребовал старший, - мы должны осмотреть помещение». Георгий Семенович отказался выполнить требование. «Пристрелите его, чего вы смотрите», - обратился командир к бойцам. Эгнаташвили не смутила эта команда: «Войдете, только убив меня».

Дело начинало приобретать серьезный оборот. К участникам конфликта вышел Ираклий Лордкипанидзе, объяснил, что гимнастическое общество «Шевардени» и Всевобуч (Всеобщее военное обучение) входят в одну систему, что Эгнаташвили преподаватель гимнастики, и почему потребовалось строительство гимнастического зала в Тбилиси, пригласил осмотреть помещение.

Увиденное удивило командира: «Это надо беречь!» Снаряды для развития силы – штанга, двухпудовые гири – приглянулись пришельцам: «Это нам пригодится. Мож-

но взять?» Эгнаташвили: «Сюда больше сами приносят».

Договорились продолжить переговоры после обеда. Георгий Семенович позвонил Мариам Орахелашвили, своей непосредственной начальнице по отделу народного образования Грузинской Советской Республики, объяснил положение. Мариам связалась по телефону с мужем. Маmia Орахелашвили сказала: «Пришлите ко мне Ираклия Лордкипанидзе». спрашивает у пришедшего Ираклия: «Кто этот человек, что так смело себя ведет с военными?» - «Это Эгнаташвили – руководитель тренировок занятиями». Дал записку к Сергею Орджоникидзе, в Штаб Кавказского военного округа. Товарищ Серго взял служебный бланк и написал: «Дом общества «Шевардени» на Шеварденской улице остается за упомянутым обществом. Командарм XI Армии Геккер. Член Реввоенсовета Орджоникидзе».

Мандат произвел впечатление на командира отряда: «Серьезные у вас заступники».

Прошло несколько дней. У гимнастического зала оставалась подвода с тяжелоатлетическим инвентарем. Знакомый командир рапортует: «Принимайте подарки, хозяева! Штангу взяли в школе, гири – на ярмарке». Эгнаташвили: «Штангу верните детям, это их имущество, а за гири двухпудовые спасибо».

Так со счастливым концом завершилась эта история в спортивной биографии Георгия Семеновича Эгнаташвили – основоположника грузинской школы гимнастики, заслуженного мастера спорта СССР (им он стал в 1936 году первым в стране, вместе со своим учеником – Георгием Рцхиладзе), заслуженного тренера СССР (под-

▲ Г.Эгнатшвили со своими учениками: Л.Канчавели, Ю.Паресашвили, Г.Рцхиладзе, Г.Бабилодзе, А.Джорджадзе, М.Ахвледiani, К.Заалишвили. Начало 1930-х гг.

готовлено 12 заслуженных мастеров спорта и 33 мастера спорта только в гимнастике!), заслуженного деятеля физической культуры и спорта Грузии, руководителя физкультурной работы во Всеобуче республики (1921-1923), спортивно-технического комитета при Тбилисском городском совете физкультуры, заведующего кафедрой гимнастики Грузинского института физической культуры, директора центральной гимнастической школы г. Тбилиси...

Вспоминается, как Г.Эгнатшвили пригласили судить на первенстве Тбилиси. К брусью подошел Николай Мейпариани. Он легко вошел в стойку и начал упражнение, но внезапно гимнаста словно подменили, движения стали ограниченными, не с той чистотой, которая отличала прекрасного гимнаста. На лице отражалась внутренняя боль.

Гимнаст закончил упражнение. Судьи выставили минимальные оценки. Эгнатшвили медлил с решением. Все взоры были обращены к тому, кто, казалось, ничего не мог прибавить к их оценкам.

«Максимум – 20 баллов!» - объявил Эгнатшвили, удивив присутствующих. «Чем привлекательна для нас гимнастика, - продолжал Георгий Семенович, - она ведь должна учить мужеству! Кто мог бы превозмочь боль, которую перенес Николай Мейпариани? Как вы этого не заметили! Он ведь травмированный мизинец ударил о брус. Взгляните на его руку. Он вывихнул палец, но упражнение выполнил до конца. Я оцениваю его мужество в 20 баллов!»

Мейпариани после того дня прекратил выступать на

соревнованиях, перешел на тренерскую работу и растил всю жизнь гимнастов, как завещал его великий учитель.

Пасмурным вечером 16 января 1962 года в своей тбилисской квартире умирал человек, чья жизнь полностью отвечала приветствию, которым члены руководимого им общества «Шевардени» обменивались при встрече. «Гушагоб эрс?» - «Марад!» («Служишь нации?» - «Навеки!»)

Последние слова Георгия Семеновича были обращены к внукам – Лене и Георгию: «Не забывайте меня!»

21 февраля 1967 года президиум Совета Союза спортивных обществ и организаций Грузинской ССР с целью увековечения памяти Г.С. Эгнатшвили, выражая мнение спортивной общественности республики, постановил наряду с другими мероприятиями просить исполком Тбилисского горсовета установить мемориальную доску на доме №49 по улице Клары Цеткин, где долгие годы жил замечательный воспитатель и спортсмен, а также рассмотреть вопрос о присвоении имени Г.С. Эгнатшвили одной из улиц г.Тбилиси.

Прошло еще шесть лет, но это решение осталось невыполненным, о чем сообщала в письме в ЦК КП Грузии группа соседей по указанному дому. Но и оно, к сожалению, не вызвало должного отклика.

Думается, последние слова выдающегося педагога и спортсмена, дедушки отечественной школы гимнастики: «Не забывайте меня!» были адресованы не только его внукам, а всем, кому дороги прошлое, настоящее и будущее грузинского спорта.

А улицы Георгия Эгнатшвили все еще нет в Тбилиси...

Арсен ЕРЕМЯН

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

▲ Семья Спиридона Вацадзе, прадеда Нами

Окончание

КРУГОВОРОТ СОБЫТИЙ

Многое произошло за дальнейшие десятилетия... Но сейчас я хотела бы рассказать о своем отношении к Тбилиси.

Как не любить этот город, своими добрыми объятиями раскрывавшийся мне навстречу в самые разные минуты жизни – и в счастье, и в горе! Вот и сейчас всплыло воспоминание – в 1958, похоронив воспитавших меня Григория и Нину Арутиновых, два месяца я оставалась в их квартире на улице Энгельса, где они жили, вернувшись в Тбилиси из Еревана после семнадцатилетнего отсутствия.

Тяжело расставалась с тем, что окружало меня в детстве. Квартира не была мне чем-то памятна, они в ней поселились в 1955 году. Вещи – вот все, что осталось от прежней жизни, от счастья общения с родными, от того взаимопонимания, которое служило основой наших отношений в семье. Квартиру я должна была сдать горсовету, медленно собирала и упаковывала книги, посуду. Помогал мне дворник, живший в подвале дома, курд Джемал.

Ничем нам не обязанный Джемал приходил каждый день и решал все организационные вопросы лучше меня, понимал, что и как нужно сделать. За то время он стал почти членом семьи, слышал все разговоры, знал все проблемы, а их было много, и таких разных, что не все хочется вспоминать.

Даже не приходило в голову расставаться с вещами – это ведь мое прошлое. Казалось, что, сохранив

их, сохраню тот дом таким, каким он был при дорогих ушедших. Перед отъездом решила отблагодарить Джемала. Деньги он взять отказался – хотя у него были жена и трое детей, подарки для них он тоже не хотел брать, попросил на память только фотографию, где мои тетя и дядя сняты вдвоем.

Это Тбилиси, его дух, отразившийся почти на каждом человеке, независимо от национальности и социального положения.

Мебель увозить было сложно, и пришлось ее распродавать. Соседи знали об этом, помогали в поисках покупателей. Однажды раздался стук в дверь. Вошел небольшого роста коренастый человек, сказал, что хочет купить у меня обеденный стол – мы сидели за прочным дубовым столом моего детства, и я назвала первую пришедшую в голову немалую сумму. Он не согласился, сказав, что это дорого, я объяснила, что продаю не просто стол, он мне дорог как память, как часть моей жизни, моей семьи. Гость ушел и вскоре вернулся с бутылкой армянского коньяка, коробкой шоколадных конфет, с деньгами за стол и со словами: «А стол, дорогая, я возьму только после твоего отъезда». Таким был армянин Арпак – простой часовщик из маленькой мастерской с Пушкинской улицы.

Это тоже дух Тбилиси. Особое душевное тепло его горожан.

На стене в моем доме несколько небольших поздних работ крупнейшего грузинского художника Лад

Гудиашвили. Когда приезжала в Тбилиси приводить в порядок могилы родных, обязательно заходила на улицу Кецховели, где Нина Иосифовна Гудиашвили создала в то время пышный и вместе с тем уютный дом – дом для ее мужа, художника. Там были мастерская, залы с картинами, уголок Пастернака, в дни опалы жившего у них. Каждый раз, уходя от них, получала от знаменитого классика батоно Ладо в подарок рисунок гуашью. И уже после его смерти Нина Иосифовна мне сказала: «Вы были тогда такая грустная, что ему всегда хотелось вас обрадовать».

Это тоже дух Тбилиси. Великая щедрость души. Время открыло для меня новых людей, в которых жили та же тифлисская отзывчивость, яркий талант общения, теплота и настоящее чувство дружбы.

Все это исчезло? Душа Тбилиси, неужели она тоже убита?

А потом прошли годы, и я вновь приехала в Тбилиси в 1965 году. Этот город всегда был отдушиной для меня в серой и холодной московской жизни.

Тогда я подружилась с молодыми талантливыми людьми: композитором Гией Канчели, художником и писателем Резо Габриадзе, дирижером Джансугом Кахидзе, режиссером Робертом Стуруа. Ходила в мастерские художников Гаянэ Хачатурян, Кобы Гурули, Коки Игнатова, Зураба Церетели, Элгуджи Амашукели и других.

В периоды моей тоски уезжала из Москвы в Тбилиси, и мы вместе с Канчели ездили в Кахетию, где нас гостеприимно встречал секретарь райкома Алик Кобаидзе, в Ереван на машине. Мне никогда не забыть сердечность жены Канчели Люли, блистательной и мудрой Вики Сирадзе, с юности всю жизнь работавшей в руководстве республики, а сейчас сломленной ранней смертью дочери.

Могу вспоминать и вспоминать – в трудные дни я встретила там отклик, о моем горе хотели слушать, от него не закрывались – не было разницы в отношениях ни в праздниках, ни в печали. Я была все время с друзьями.

Господи, и этот Тбилиси ушел!

Пустота возникает в сердце, когда, вспоминая поездки в Тбилиси в 60-70-е годы и встречи с новыми знакомыми, талантливыми и яркими людьми, понимаю: счастье общения тоже безвозвратно ушло. В своем духовном одиночестве помню всех – самых разных, кто был ближе, кто дальше, но все незабываемы.

Период, когда в Тбилиси я бывала в кругу своих новых знакомых, живет во мне как отдельный фильм. Очень робела, понимала, что встречи с ними происходят отчасти из-за работы моего мужа Василия Кухарского, заместителя министра культуры СССР. Искренне любя их всех, таких разных, чувствуя их доброе отношение ко мне, когда приезжала в Тбилиси, все равно внутренне ощущала присутствие в отношениях должности мужа и смущалась.

Он тоже радовался общению с этими яркими талантливыми людьми, хотя у них были совершенно противоположные творческие позиции. Ему был ближе Отар Тактакишвили, друг Свиридова, чья музыка была традиционно национальная, без всплесков времени и поисков звезд в душе, как у Гии Канчели.

В один из приездов поздним летом в Тбилиси меня днем пригласили на новый фильм Сергея Параджанова. Были Гия Данелия, Резо Габриадзе, поехали домой к Верико Анджапаридзе, великой актрисе и умной женщине, сочетавшей царственность с простотой. Она сни-

▲ С Алешей Микояном и детьми. 1956

малась в этом фильме. Представляясь, я напомнила ей, что в 30-х годах мои родные с ней часто встречались, а сразу же после войны она гостила у нас в Ереване вместе со своей сестрой Мери (матерью Гии Данелия). Верико оживилась, тепло посмотрела на меня, сказала, что очень любила моих дядю и тетю. Но вообще была сдержанна, молчалива. В квартире на стенах рядом с работами грузинских художников висели коллажи Параджанова, посвященные ей. Дом был не просто уютный, а наполненный творческим духом. В Ереване помню ее разговорчивой, смеющейся, веселой. Теперь она стала другой.

Поехали смотреть фильм на студию. Талант, удивительный, неповторимый дар Параджанова, игра Верико и ее дочери Софики Чиаурели, солнечные лучи, мозаичные рисунки ковров, струи родниковой воды – колорит Кавказа с волшебным миром видения режиссера.

Возвращаясь обратно, Верико попросила остановиться у базара, купила маленькую корзиночку с клубникой и подарила ее новой жене племянника. Такая же сдержанная, значительная, как и вначале, молчаливая, она там же попрощалась и ушла.

Вечером были у Параджанова – он стоял наверху крутой лестницы своего старинного дома, провозная двух женщин с подаренными коврами – одна была Амирэджиби, сестра писателя, жена физика Бруно Понтекорво (а до этого Михаила Светлова). Увидев нас, Сережа воскликнул: «Ах, почему не пришли раньше, больших ковров больше нет! Ну ничего, я тебе подарю маленький, положишь на подоконник или сундучок». Он угощал чаем в разных старинных чашках и показывал халаты, которые сам сшил для режиссера Феллини – синий бархат с вшитыми по полю голубыми ромбами.

Воспоминаний масса, и они останутся со мной.

С нежной любовью вспоминаю Лали Микеладзе и ее мужа, знаменитого хирурга; Лию Элиава – киноактрису с трагическим детством дочери расстрелянных. Еще надеюсь встретиться с Люлей и Гией Канчели – этого требует моя к ним любовь. Они сблизили меня с Альфредом и Ириной Шнитке, что сделало мою жизнь богаче.

Вернусь назад, в Тифлис 1936 года. Он жил кипучей, яркой жизнью. Мне было всего восемь лет, и я

▲ **Нами с Этери Гугушвили, Анастасией Цветаевой, Нитой Табидзе и Марфой Пешковой. 1992**

знала только со слов домашних о театре Руставели, о блестящем режиссере Сандро Ахметели, о театре Марджанишвили, дирижере Микеладзе, художниках Какабадзе, Гудиашвили, вернувшихся из Франции. Ближе были кинозвезда Нато Вачнадзе (жена кинорежиссера Шенгелая) - детская подруга тети Нины, тоже кахетинка, жившая в Соллаки недалеко от нас; Верико Анджапаридзе – актриса умная, глубокая; художница Эличка Ахвледиани; скульптор Тамара Абакелия; поэты Иосиф Гришашвили, молодой Ираклий Абашидзе – все они бывали у тети и дяди дома.

Помню красавицу Шуру Тоидзе, актрису театра Руставели. Я встретила с Шурой в Латвии летом, «сотню» лет спустя, в 1970 году, она оказалась умной, интеллигентной женщиной, воспоминания нас объединили, сблизили.

Звездами Тбилиси были тогда и оперные певицы Мери Накашидзе, Надя Харадзе, с которой меня через пятьдесят лет накрепко связала горькая любовь к ее племяннице и моей подруге, рано ушедшей Лауре Харадзе – Примаковой по мужу. Фотографии этих певиц, волнуясь и споря, в 30-е годы покупали в киоске оперного сквера ученицы моей дорогой 43-й школы.

Атмосферу Тбилиси невозможно воссоздать, не описав еще одну фигуру, - квинтэссенцию изящества – Сашу Ахвледиани. Художник-модельер, мастер-портной редкого вкуса, он тридцать лет задавал тон, создавая моду в Тбилиси. С 20-х годов у него шили советские «первые леди». Кажется, он был послан в начале 30-х годов на практику в Париж.

Когда, похоронив тетю, в 1958 году встретила Сашу в Тбилиси, он сказал: «Я должен тебе сшить хорошее платье, Нина была бы довольна, что ты в форме». Он сшил мне в подарок платье из желтого органди с белыми выпуклыми букетиками ландышей, на чехле, с бретельками, в талию, со строгим бантом, кокетливо посаженным на подоле широкой юбки. В 1959 году в Москве, на приеме в Кремле, это платье привело в восторг балерину Ольгу Лепешинскую.

Саша был контактный, добрый, немного рассеянный, позже, в 60-е годы, у него жил маленький внук, больной диабетом, и Саша с женой уже нуждались, но все делали для его блага. Когда Саши не стало, я узнала, что за его гробом шли только Надя Харадзе – профессор консерватории, солистка Грузинской оперы, и умевшая быть верной Викторией Сирадзе, в то время секретарь ЦК Грузии. За долгую жизнь видела разные работы знаменитых портных нашего века – Саша с его уникальным

талантом был бы всемирно известным модельером, кутюрье высшего класса.

Летом 1937 года мы жили в местечке Кикети. Прелестный, чистый уголок – поля, холмы, дубовый лес, родник с ключевой водой и простор, простор. Это было последнее лето «той» жизни. Дачи снимали друзья родителей с детьми. Мы были совершенно свободны весь день, бегали к домикам, где отдыхали футболисты тбилисского «Динамо» перед игрой с басками

В то лето появились новые слова – «вражеский» и «арестовали». Что это такое, мы, дети, толком не понимали, только знали, что те, кого арестовали, куда-то исчезают. У нас возникла игра – искать на коробках спичек в нарисованном пламени подозрительное сходство с вражеской бородкой. Кто-то шепотом говорил: «Это Троцкий». Осенью Лейла Горделадзе под строжайшим секретом у себя дома показала мне какой-то плоский стеклянный квадратик красного цвета с профилем Троцкого, вытащив его из бельевого шкафа родителей и мгновенно спрятав обратно.

Мы, дети, не понимая трагического смысла этих слов, иногда гадали, а кого еще арестуют, кто будет следующим.

Летом 1937 года моего отца назначили заместителем председателя Совнаркома Грузии. Мы переехали в Тбилиси. Он стал молчалив, замкнут. Как-то в конце октября с уличного балкона я смотрела на улицу – отец возвращался с работы, шел он медленно и задумчиво, заложив руки за спину под пальто. Это была его привычка. Больше на работу он не ходил. Тогда я не понимала почему.

Его друга – моего дядю, Гришу Арутинова, по распоряжению Москвы в эти же дни направили работать в Армению, там тоже руководство было арестовано, нужен был человек со стороны, армянин. Его жена, папина сестра Нина, уехала вслед за ним.

Прошло время романтического задора, общих дружеских встреч и общения, никто больше ничего не спрашивал и не обсуждал, существовали только приказы сверху.

Однажды отец не выходил из своей комнаты целые сутки. Он что-то писал в кабинете за столом. Мама со мной и маленькой сестренкой, в честь тети и бабушки названной Ниной, находилась в соседней комнате, в спальне. Помню, вечером в ту ночь на 30 октября 1937 года отец позвал меня к себе, мы сели на тахту, там в углу стояли собранные вещи, бумаги и ружье лежали на столе. Он поцеловал меня, сказал: «Что бы ни случилось, верь в партию». Ночью я проснувшись от оглушительного странного звука – это был выстрел: папа вышел на веранду, взял зеркало, чтобы не промахнуться, и выстрелил в себя. Тут же раздался стук в дверь, пришли какие-то люди, они уносили его, я и сейчас слышу его голос: «Кися, прости, прости». Это маме.

Утром в дверь постучали, я открыла, мама была в спальне с малышкой. В дверях стоял сотрудник НКВД, он сказал мне: «Девочка, пойди скажи маме, что твой папа умер». Я пошла. Мама вышла в слезах, измученная и беспомощная. Он распорядился: «Девочка пусть пойдет в школу, а вы можете с какой-нибудь родственницей поехать со мной хоронить мужа». В школе я сказала Марье Ивановне: «У меня сегодня папа умер». Помню ее неверие вначале, потом ужас и ласковое объятие. Вернулась из школы. Дома была мама в своем единственном черном шелковом платье с белым кружевным девичьим воротником, она лежала на папиной тахте в кабинете, бессильная и заплаканная. Марго, двоюродная сестра папы, сидела с красными воспаленными глазами рядом. Они молчали.

На другой день мама и Марго снова пошли туда, где похоронили папу, но этого места больше не было, только груда кирпичей, какие-то рытвины и больше ничего.

Позже, в 1960-м, когда я обустроивала могилу воспитавшим меня дяде и тете на кладбище в Ваке, в Тбилиси, я написала на камне имя отца и имя родного брата дяди – Серго Арутинова, арестованного и расстрелянного тогда же, в 1937 году.

Жизнь шла вроде так же, как и раньше, но совсем иначе. Квартиру у нас не отобрали, так как папу арестовать не успели, и он официально не был репрессирован. Отключили телефон. Все вещи и бумаги папы унесли, чекисты при обыске не оставили даже фотографий.

Позже, в середине 50-х годов, когда при Хрущеве началась реабилитация, маму вызвали к следователю КГБ, он дал справку о реабилитации папы, маме выплатили папино месячное жалование, небольшую пенсию, и раз в месяц в 70-е годы она могла покупать в спецмагазине продукты. А еще ей показали написанное им письмо в ЦК партии, которое отобрали в ту ночь 30 октября 1937 года,

▲ С Ниной и Стасом. 1995

и записку. «Кися и Нина, берегите детей», - писал он жене и сестре.

Много позже я узнала, что, снимая с работы моего отца на бюро ЦК партии Грузии, Берия сказал, что партия большевиков ему не доверяет. Что это означало, тогда понимали все, отец решил уйти из жизни сам. Ему было тридцать шесть лет.

Часто вспоминая всех друзей отца, погибших в 1937 году, его самого, моего дядю Гришу, думаю: как, почему, неужели они не видели, что происходит вокруг? Почему отец верил в партию до конца? Почему дядя, продолжавший работать в партии, строил, благоустроивал и верил в будущее?

Как-то уже в 40-х годах, в Ереване дядя и тетя разговаривали за обедом, она сказала: «37-й на плечах тех, кто остался жив». Оба замолчали. Помню, как дядя говорил мне о чудовищной ошибке – обвинении против моего отца, честнейшего человека. Он ездил в Москву узнать о судьбе арестованного в 1937 году своего брата – Серго. Ответа не получил.

Сейчас понимаю, как была задумана акция снятия и ареста моего отца в октябре 1937. Как жестоко и точно.

В конце октября, за несколько дней до снятия папы с работы, дядю Гришу ЦК ВКП(б) направил работать в Армению. Все произошло после того, как только он уехал. С ним в Грузии считались, и вряд ли в его присутствии получилось бы легко убрать ближайшего друга, брата его жены, арестовать и расстрелять родного брата.

Их всех убрали, только по-разному. Не стало никого из тех, кого помню. Какой-то необъяснимый гипноз установившегося режима заставлял не сомневаться в «друзьях», с которыми провели несколько лет. Почему-то никому не приходило в голову объяснить происходящее циничным коварством Берии.

Берия довольно скоро уехал работать в Москву – его повысил Сталин за «чистку» партии от вражеских кадров.

Говорят, что жизнь прекрасна и удивительна. Но, наверное, все-таки второго больше, чем первого...

Через пятнадцать лет, когда мы с мужем Алексеем Микояном жили в Кремле и сын Берии Серго и невестка Марфа, внучка Максима Горького, бывали у Микоянов, у меня возникала мысль: «Если я увижу когда-нибудь самого Берия, я должна сказать ему все, что думаю?»

Через много лет, когда уже умер Сталин, был расстрелян Берия и сослана в Сибирь его семья, я жила с детьми на улице Серафимовича в известном «доме на Набережной», там же, где Светлана Сталина (Аллилуева). По почте мне пришло совершенно неожиданное

▲ Серго Берия и Нами. 1995

письмо:

«Нами! Более 40 лет я Вас не видела. Естественно, Вам трудно будет понять, кто пишет. Поэтому напоминаю Вам, что я мать Серго, с которым Вы дружили в Тбилиси в возрасте 5-6 лет. Зовут меня Нина Теймуразовна.

Приехала из Киева в Москву с тем, чтобы облегчить тяжелое положение мальчика 20 лет – Сережи Пешкова. Пока с ним ничего не случилось, но условия складываются так, что может случиться непоправимая беда, и это надо предотвратить. А мне уже за 70 лет, оторванная от жизни и людей, не знаю, с кем поговорить и посоветоваться...»

Прочитав это письмо, сразу позвонила по указанному телефону. Ответил глухой женский голос с еле заметным грузинским акцентом. Голос из далекого, далекого прошлого – Нины Теймуразовны, жены Берии.

Мы договорились о встрече в тот же день. Поехала по указанному в письме адресу, поднялась на лифте, позвонила в дверь. Неужели я подсознательно думала увидеть Нину Теймуразовну моего детства, которая притягивала своей строгой красотой? Дверь открыла старая женщина маленького роста. Следы красоты? Нет, их не было. Были глаза, блестящие от волнения, и была моя память о ней. Волновались мы обе. Нина Теймуразовна завела меня в маленькую кухоньку в квартире ее внучки и начала рассказывать о своей жизни после смерти Сталина. Она не знала об аресте мужа. Ее и сына повезли в тюрьму, каждого поместили в одиночку. Нина Теймуразовна не

▲ Портрет Нами, написанный голливудским актером Бертом Янгом (в центре)

знала, жив ли ее сын, так же, как и он ни о ком ничего не знал. Прошло, кажется, около года. Их выпустили вместе – тут только она узнала, что сын жив. Мать и сына отправили в том, в чем они были, в Сибирь, на поселение, без паспортов, без документов, без права выезда.

Она говорила, волнуясь, горячо, как будто рассказывала о своей жизни в первый раз. Нина Теймуразовна сказала: «Когда нас арестовали в 1953 году, я поняла, что кончилась советская власть». Я спросила: «А в 1937 году вы этого не думали?» Ответа не последовало. Был долгий рассказ, как исповедь.

Сын работал и заочно учился – она его заставила, внушая мысль, что он, отец троих детей, оставшихся с матерью в Москве, должен как мужчина нести за них ответственность и помогать в будущем.

Женой сына была внучка А.М. Горького, Марфа Пешкова. У них с Серго Берией, который теперь носил фамилию матери Гегечкори, были две дочери и маленький сын, родившийся, когда отец находился в тюрьме.

По ходу рассказа-монолога напомнила о своей тете, которая до 1937 года была ее подругой, о том, что она и ее муж преждевременно скончались, не выдержав тяжелых потрясений. Ответ был: «Но они же не сидели». Стало понятно, что передо мной не просто издерганная жизнью женщина, но человек с больной нервной системой.

Потом Нина Теймуразовна перешла к тому делу, ради которого она приехала в Москву. Это была проблема, связанная с ее внуком, жившим с ними в Киеве, и отец в будущем собирался взять его на работу на завод, где работал сам. Вопрос был несложный, и я тут же позвонила Марфе, которую хорошо знала, и мы вместе приняли решение.

Пришло время мне уходить. На улице был сильный дождь. Позвонила домой дочери, чтобы она взяла такси и заехала за мной, назвала ей адрес и номер квартиры.

Больше мы с ней не встречались. Жила она с сыном и внуком в Киеве и в 90-е годы умерла. Ее сын Серго

Гегечкори стал генеральным директором крупнейшего конструкторского объединения в Украине.

Июль 1994 года. Вышла книга Серго Берии. Стасик, мой сын, хочет заняться ее изданием в Америке. Зашли ко мне. Я не видела Серго больше сорока лет. Лицом он похож на свою бабушку Дарико. Теплый, добрый взгляд, спокойный, мягкий голос.

Вспоминал наше детство. Оказывается, я читала ему вслух книги, когда ему самому было лень это делать. Я была лет шести, на четыре года младше его. Так вот почему его отец называл меня «профессор».

Говорил о Системе. Четко анализировал политические ситуации. Точно и трезво давал характеристики государственным деятелям. Светлый ум, ясная голова, доброе сердце.

Глаза его увлажнились, когда он вспомнил Нину Теймуразовну (ее письмо я дала ему прочесть), и еще раз, когда он говорил с озабоченностью о судьбе Светланы Аллилуевой. Потеплел взгляд, когда моя сестра обратилась к нему по-грузински «батано Серго».

От него исходило удивительное тепло.

Не было у меня никаких мыслей о судьбах родных, переживаний о его отце – ни обиды, ни боли, только волнение и тепло. Бедные мы все, бедные...

В следующие годы Серго по приезду из Киева заходил ко мне. В 2000 году он скончался.

Не знаю, до какой степени и на каких уровнях можно было в 30-е годы использовать государственную власть в личных интересах, но, думаю, что уже тогда формировались основы для коррупции, которая стала главенствующей силой в 60-80-е годы во всей стране и на всех этапах власти. Мои детские глаза и сердце тогда впитывали внешние впечатления только эмоционально. Но прошли годы, оборачиваясь назад, окунаясь в эти впечатления, оценивая факты, поступки и взаимоотношения, можно сделать выводы об интересах и нравственных позициях окружавших меня людей.

Нами МИКОЯН

▲ Улица Леонидзе, 8

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Иногда кажется, что именно Тифлису-Тбилиси, с его старыми районами, самой судьбой велено открывать и перелистывать начальные и конечные страницы той великой поэтической книги, которая зовется «Серебряный век». И вместе со стихами бережно хранить тайны любовных романов удивительных пар, прославивших своими строфами этот самый век. Откроем несколько таких страниц – они отмечены записями о венчаниях, которые прошли в церквях далеких друг от друга городов, но неотделимы от Тбилиси.

С двумя великими именами русской литературы – Анны Ахматовой и Николая Гумилева – район Сололаки связывает менее громкое имя – Владимир Эльснер. Современники по-разному относились к этому поэту, уроженцу Киева, большую часть жизни, начиная с гражданской войны, прожившему в Тбилиси. Еще в далеком 1909-м Гумилев включает его стихи во 2-й и последний

номер журнала «Остров» наравне со стихами Александра Блока, Алексея Толстого, Андрея Белого, Сергея Соловьева и посвящает ему стихотворение «Товарищ». Через два года Эльснеру же посвящает свой первый сборник «Флейта Марсия» Бенедикт Лившиц. А вот Блок упоминает его как «киевского издателя» - Эльснер составил целых четыре тома самой полной и очень популярной в конце 1900-х годов «Антологии современной поэзии». Правда, в своих дневниках Александр Андреевич называет его еще и «выездным лакеем». Наверное, потому, что молодой киевлянин очень тянулся к петербургским символистам. Резок и Валерий Брюсов, обозвавший первый сборник 27-летнего Владимира «подогретой водкой». Что ж, и в те времена поэты были беспощадны к творчеству собратьев по цеху. Но зато, спустя десятилетия, мы услышим от Николая Тихонова эпитет «всекультурнейший Эльснер», а редактор издательства «Заря

▲ Николай Гумилев

Востока», художник Георгий Мазурин засвидетельствует: «Пастернак, бывая в Тбилиси, часами разговаривает с ним. Это что-нибудь значит?!» Конечно же, значит, дорогие читатели! И, чтобы убедиться в этом, заглянем в Киев начала прошлого века.

Именно там, в 1909-м, впервые встречаются два поэта-ровесника из Серебряного века. Обоим по 23 года, один шесть лет назад навсегда покинул дом №6 на Сололакской (ныне – Леонидзе) улице в Тифлисе, другому через девять лет предстоит навсегда поселиться в доме №8 на той же улице. Первого зовут Николай Гумилев, второго – Владимир Эльснер. Киевлянин, уже известный не только как поэт-модернист, но и как переводчик (он первым перевел на русский «Пьяный корабль» Артюра Рембо) - завсегдадатай литературного салона преподавательницы женской гимназии Софии Зелинской. Там собирается весь цвет местной интеллигенции, и там его имя звучит наравне с именами поэтов Михаила Кузмина и Бенедикта Лившица, художников Марка Шагала, Казимира Малевича, Натана Альтмана. В этом салоне мы увидим и молодого декадента, которого охотно печатают небольшие издания, но который вынужден зарабатывать на жизнь то бухгалтером в гостинице, то продавцом открыток, то грузчиком арбузов. Прочтем, как называет Эльснер в одном из писем этого мало кому известного юношу: «...Милый мальчик Саша Вертинский (я не уверен, что правильно пишу его фамилию)»...

И вот поэт, известный всему Киеву, имеющий полное право отзываться о безвестном пока Вертинском как о «милом мальчике», решает организовать вечер современной поэзии и пригласить обретающих всероссийскую известность петербуржцев. Поначалу вечер срывается – местная пресса запестрела нападками на молодых поэтов. Но Эльснер проявляет недюжинную энергию, сам берется выступать и в итоге мы уже читаем такое объявление: «Сегодня, 29 ноября, «Остров искусства» - вечер современной поэзии сотрудников журналов «Аполлон», «Остров» и др. Михаила Кузмина, графа Ал.Н. Толстого, П.Потемкина и Н.Гумилева при участии Ольги Форш, В.Эльснера, К.Л. Соколовой, Л.Д. Рындиной и др... Начало ровно в 8 1/2 ч. вечера».

Почему же мы уделяем этому вечеру такое внимание? А дело в том, что Гумилев пригласил на него студентку киевских Высших юридических курсов Анну Горенко, которую знал еще по Царскому Селу и которой

не раз безуспешно объяснялся в любви. Именно после этого вечера они долго бродили по городу, зашли в гостиницу выпить кофе, и Анна ответила согласием на очередное предложение Николая. А когда они пришли венчаться в маленькую церквушку под Киевом, оказалось, что будущий тифлисец Эльснер – не только организатор судьбоносного для них вечера. Бывший тифлисец Гумилев попросил его быть на свадьбе одним из шаферов, по-нынешнему, свидетелей. Так что, Владимир Юрьевич сыграл особую роль в том, что перед нами – следующий документ: «Означенный в сем студент С.-Петербургского университета Николай Степанович Гумилев 1910 года апреля 25 дня причтом Николаевской церкви села Никольской Слободки, Остерского уезда, Черниговской губернии обвенчан с потомственной дворянкой Анной Андреевной Горенко, что удостоверяем подписями и приложением церковной печати».

Потом они пошли разными путями. О том, чем закончились пути Ахматовой и Гумилева говорить, конечно же, излишне. Поэтому попытаемся посмотреть, каким же путем Эльснер оказывается в Тифлисе. Впрочем, сделать это не так уж легко. Можно увидеть, как перед Первой мировой войной он издает собственные сборники стихов, переводит, выпускает антологию современной немецкой поэзии. А потом – пожарами революции и гражданской войны, сквозь дым которых Эльснер обнаруживается

▲ Анна Ахматова

уже в столице Грузии... И тут, дорогие читатели, стоит особенно приглядеться к тому, какие фантастические метаморфозы происходят с этим человеком.

С 1918 года он живет в Тифлисе, в хорошо знакомом сололакам доме с аптекой Оттена и в то же время находится в «резерве чинов Кубанского Казачьего Войска Добровольческой армии». То есть, деникинской белой армии. Он входит в «Тифлисский цех поэтов», созданный Сергеем Городецким, и числится в отделе пропаганды ростовского ОСВАГ. А это – «Осведомительное агентство», то есть, информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии, а затем – белых Вооруженных Сил Юга России. Он публикует декадентские стихи в альманахе «АКМЭ», изданном «Тифлиским цехом поэтов». А в журнале ОСВАГ «Орфей» он же печатает статью

▲ Н.Гумилев и А.Ахматова с сыном Левой

«Цинические эксцентрики», в которой обрушивается на Сергея Есенина «выпустившего в Совдепии два сборника своих стихов «Голубень» и «Преображение»...

Вообще-то, с приходом большевиков в Грузию такая «двойственность» мало кому сошла бы с рук. Тем более, что Эльснер отличился и в уже советской Москве, став одним из колоритнейших героев романа-хроники «Богема» еще одного тбилисца – Рюрика Ивнева. Он не только выступал со стихами в трусах, фуфайке, с золотым обручем на голове. Не только использовал для оболыщения сеансы гипноза, раздавая дамам визитные карточки с надписью золотом: «Владимир Эльснер, поэт жизни. Учитель новых радостей. Магнетизер, массажист». Не только глупой шуткой чуть было не подтолкнул Владимира Маяковского к дуэли. Он еще и открыто подтрунивал над советской властью, коммунистами, чекистами. Да и уже много позже, в Тбилиси, славился своими любовными похождениями, а на загородных пикниках организовывал танцы в простынях. И при всем этом читал лекции по «коммунистической эстетике искусства» в университете и консерватории, писал правдоверные советские стихи. Кстати, его антибольшевистские выступления в денкинских газетах по сей день хранятся в библиотечных фондах. Словом, все те же метаморфозы...

Прямо скажем, многогранная личность, умеющая выходить из сложных жизненных ситуаций, используя свои способности. Именно поэтому можно увидеть, как во второй половине 1930-х он редактирует одобренный Москвой перевод Георгия Цагарели поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Как руководит в Союзе писателей Грузии работой с молодежью, а в конце 1940-х – литературным объединением при газете «Молодой сталинец». Еще он смог выпустить в издательстве «Заря Востока» две книжки со стихами про экзотику азиатских и африканских стран. И уже в солидном возрасте ошарашивал собеседников несколькими фразами. Первая – утверждение, что именно он научил Ахматову писать стихи. Вторая – вопрос: «Вы, случайно, не воруете книг?» Впрочем, это понятно. Богатая эльснеровская библиотека славилась и за пределами Тбилиси, на ней вырос не один молодой литератор. Вдобавок Владимир Юрьевич любил похвастаться, что «еще не перестал к жене приставать – воздух Грузии этому способствует». Кстати, последняя его жена заслуживает особого нашего внимания. Можно сказать, что она – еще одна ниточка, тянущаяся с Сололаксской улицы в большую русскую литературу. Это – Ольга Верховская, которая некогда росла на той самой питерской улице Бассейной, где жил Человек Рассеянный, воспетый Самуилом Маршакom. Ее мать воспитала брошен-

ную родителями племянницу Марину Малич, и девочки считали себя родными сестрами. Именно Верховская в своей квартире познакомила кузину с поэтом Даниилом Хармсом. Ставшим мужем Марины...

А про саму Ольгу Верховскую можно сказать, что она поступила в духе неординарных героев произведений своего зятя Хармса. Когда в 1964 году газета «Вечерний Тбилиси» сообщила читателям, что скончался Владимир Эльснер, немало горожан отправилось в Союз писателей, чтобы попрощаться с одним из последних поэтов Серебряного века. Но покойника там не оказалось. До сих пор в различных литературных источниках ходит легенда, что Ольга Николаевна тайно увезла тело и погребла его в Переделкине, рядом с самим Пастернаком. Но могила Эльснера в списках мемориального подмосковного кладбища не значится. А современники поэта, которые, к счастью, ныне здравствуют, и к которым я полон доверия и уважения, утверждают: жена и впрямь увезла останки Эльснера, но захоронила их в Москве. И помогал ей в этом никто иной, как Николай Тихонов. А дальше – уже настоящая трагедия. Вернувшись в Тбилиси, Ольга Верховская покончила с собой. Уникальная библиотека поэта выкинута из опустевшей квартиры в подворотню и увезена в мусоровозах. Еще одна печальная метаморфоза в судьбе поэта-жизнелюба.

Что ж делать – последние страницы жизни всегда грустнее первых. Но Тбилиси умеет с легкостью фокусника тасовать их, устроив так, что последний дом Эльснера соседствует с домом, где прошли юные годы Гумилева. Впрочем, тут все по соседству. Достаточно вспомнить, что за 15 лет до появления семейства Гумилевых, по улице, расположенной совсем недалеко отсюда, ходила зеленоглазая юная особа. Которой предстояло завоевать титул «декадентской мадонны», вдохновительницы и одного из самых беспощадных критиков своей эпохи. И так, распахнем тифлисскую страницу жизни Зинаиды Гиппиус. И удивимся тому, сколько на ней совпадений с такой же страницей гумилевской жизни.

Николая привозят в Тифлис родители, опасющиеся за жизнь сыновей – сам он постоянно болеет, а у его старшего брата Димы появились симптомы туберкулеза. Семью Гиппиус в столицу Грузии тоже приводит страх за детей. Отец умирает от туберкулеза, по месту службы на Украине, мать с четырьмя дочерьми, бабушкой и сестрой перебирается в Москву, а там и у Зины открывается легочное кровотечение. Денег в семье практически нет, а врачи рекомендуют юг. И опасаясь, что дети унаследовали склонность к туберкулезу, мать снимает дачу в Ялте. Всего на год – тогда особой дороговизны в Крыму не было. А когда этот срок истекает, семья в затруднении – куда и на какие средства ехать? Помощь приходит из Тифлиса, от брата матери Александра Степанова. Слово – самой Зинаиде: «Он уже давно жил в Тифлисе – был адвокат и даже издавал газету... Переезд нашей семьи на Кавказ разрешал много затруднений и вопросов. Во-первых – вопрос материальный. Дядя был почти богат, он брал к себе бабушку (свою мать) и тетку (сестру). Жена его с детьми вернулась из Швейцарии, и лето мы должны были провести все вместе, в горном Боржоме, - и тут разрешался и вопрос о климате, - о моем здоровье, которое должно было укрепиться».

Так что, 16-летняя Зина, появившись на берегах Куры в 1885-м, поселилась у дяди. И разве не интересно узнать, где же он был – ее первый тифлиссский дом? Перелистаем «Кавказский календарь» за 1875 год и он сообщит, что присяжный поверенный Степанов Александр Васильевич, редактор ежедневной газеты «Новое обозрение», жил на Давидовской улице в доме Капанова. То есть, на нынешней улице Бесики. Так что, поселились Гиппиусы совсем рядом с Сололаки. Целительный воздух Грузии помогает им, как и Гумилевым – с Зиной происходят разительные перемены. «Маленьким человеком с

▲ Церковь Михаила Архангела, в которой венчались Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский

большим горем» называли в московской гимназии вечно печальную девочку. В Тифлисе же мы видим высокую красавицу с роскошными золотисто-рыжими волосами и изумрудными глазами. И в самом городе, и в Боржоми она оказывается в центре общества. В компании молодых офицеров и барышень, студентов и гимназистов танцует, читает стихи, гарцует на лошади, гуляет по горным тропам. Тифлисская молодежь покорена, называет ее «поэтессой», признавая литературный талант, предложение руки и сердца следуют одно за другим.

Как и юный Гумилев, она увлекается театром: «После ялтинских опереток я пристрастилась к опере, а опера тогда, в Тифлисе, была превосходная. В ту пору приезжал Чайковский (мы его видели в театре), и с удовольствием слушал своего «Евгения Онегина». Как и Гумилев, впервые влюбляется в 16 лет: «В Тифлисе, настоящая любовь – Jerome. Он молод, добр, наивно-фатоват, неумен, очень красив, музыкант, смертельно болен. Похож на Христа на нестаром образе. Ни разу даже руки моей не поцеловал. Хотя я ему очень нравилась – знаю это теперь, а тогда ничего не видела. Первая душевная мука». Ну, а последующие влюбленности заканчивались в дневниках (а как же такой барышне без них!) записями, подобными этой: «Я в него влюблена, но я же вижу, что он дурак». Для пылких, но недалеких умом ухажеров она слишком начитанна – как и Гумилев занялась в Тифлисе самообразованием, читает запоем.

Первое лето в Боржоми оказалось сказочным. «Это была, и вправду, новая жизнь. После Москвы, после скучной крымской дачи – музыка, танцы, верховая езда... Для шестнадцатилетней провинциальной барышни – нельзя лучшего и желать», - признается она. Не скучно и зимой, уже на другой квартире – все живут мечтами о Боржоми. Но, в итоге, приходится по сололакским мостовым подниматься в Манглиси, который предпочел дядя. Лето заканчивается трагически – присяжный поверенный Степанов умирает прямо на курорте. Рассеиваются представления о его состоятельности. «Богатство» дяди Александра оказалось доходами с его работы, семье своей он не оставил почти ничего, и жена не могла

же брать на себя содержание мужниных родных. После смерти дяди они переехали в маленькую квартирку... Мы тоже переменили квартиру. Зиму провели тихо, - смерть, как всегда, перевернула во мне, в душе, что-то очень серьезно. Я много читала...»

Вот тогда-то, во время чтения одного из журналов – петербургского «Живописного обозрения» - в ее жизнь впервые входит имя Дмитрия Мережковского. А следующим летом, в 1888-м, они встречаются, все в том же Боржоми. Набирающий известность поэт оказывается там случайно. После выхода своей первой книги стихов он путешествует, по Военно-Грузинской дороге приезжает в Закавказье, и кто-то советует ему побывать на этом курорте. А там – встреча с Зинаидой, током пробежавшее между обоими ощущение духовной, интеллектуальной близости. И вот – признание Гиппиус: «...У меня была минута испуга, я хотела эти свиданья прекратить, и пусть он лучше уезжает. Что мне с ним делать? Он – умнее меня. Я это знаю, и все время буду знать, и помнить, и терпеть... Не было ни «предложения», ни «объяснения»: мы, и главное, оба – вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся, и что это будет хорошо... С этой поры мы уже постоянно встречались в парке утром, вдвоем... Никакого «объявления» о нашей будущей свадьбе не было, но как-то это, должно быть, зналось». В начале осени они уезжают в Тифлис, и решают, что Мережковский отправится в Петербург – известить родителей и нанять квартиру. А пока они в разлуке – еще одно совпадение с судьбой Гумилева. Как и тот, Зинаида именно в грузинской столице увидела свои первые опубликованные стихи. Он – в местной газете «Тифлисская листовка», она – в петербургском журнале «Северный вестник».

Гиппиусы тогда живут уже на левом берегу Куры, на Воронцовской площади. Туда-то к ним, в один из домиков, на месте которых сейчас – огромное здание, известное тбилисцам как Дом моды, и приходит Мережковский, приехавший через пару месяцев после расставания. А 8 января 1889 года он появляется, чтобы отправиться на венчание. Идти ему было недолго – из гостиницы «Лон-

▲ Зинаида Гиппиус

дон» на другом берегу реки, ее здание и сейчас стоит напротив Александровского сада. Жених с невестой были единокорными: «всякие «свадьбы» и «пиры» - противны... надо сделать все попроще, днем, без всяких белых платьев и вуалей». Поэтому оделись они, как на прогулку: Зинаида – в темно-стальном костюме и такой же маленькой шляпе на розовой подкладке, Дмитрий – в сюртуке и модной тогда «николаевской» шинели с пелериной и бровным воротником. Мать по дороге твердит Зине: «Ты родилась восьмого, в день Михаила Архангела, с первым ударом соборного колокола в Михайловском соборе. Вот теперь и венчаться идешь восьмого, и в церковь Михаила Архангела». А от себя мы можем добавить: венчаться Мережковский пришел по Михайловскому мосту (ныне, официально, Саарбрюккенскому, по-народному – Воронцовскому), а церковь – в «тылах» Михайловской больницы, что на Михайловской проспекте. Ну, куда не уйти в тот день от Святого Михаила!

Путь в эту маленькую церковь тоже недолог, она – на Великокняжеской набережной, сегодняшней улице Узнадзе. Отреставрирована в 1995-м, стоит и поныне. В ней все происходит быстро и не особенно торжественно. Жених, снявший шинель, в которой нельзя венчаться, признавался, что даже не успел почувствовать холод. Не было певчих, даже шаферы не очень серьезные – кузен-гимназист Вася и его товарищ. «...Знаменитое «жена да боится своего мужа» прошло совершенно незаметно. Постороннего народа почти не было, зато были яркие и длинные солнечные лучи верхних окон – на всю церковь», - вот, главное, что запомнилось Зиночке. По возвращении домой свидетели уходят, мать и тетушки разбавляют обычный завтрак шампанским, а молодожены до обеда читают начатую вчера книгу. Дмитрий довольно рано отправляется к себе в гостиницу. А Зинаида ложится спать и очень удивляется на следующее утро, когда мать ее будит: «Ты еще спишь, а уж муж пришел! Вставай!» Да, по признанию самой Гиппиус, «не похоже было это венчанье на толстовское, которое он описал в «Анне Карениной» - свадьба Китти!»...

Что ж, во все времена интеллектуалы из рядов передовой молодежи изумляли окружающих особыми, неор-

динарными взглядами на сложившиеся традиции и святыни. Но главное, согласитесь, не в форме, а в содержании. После этой тифлисской свадьбы Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич не разлучались ни на один день в течение 52-х лет! А когда, в 1941-м, в Париже, Мережковский уходит из жизни, его жена признается: «Я умерла, осталось умереть только телу». Те, кто был рядом с ней, вспоминают, что на нее было страшно смотреть, она, словно окаменела. Прожить оставшиеся ей четыре года помогли воспоминания – она стала писать книгу «Дмитрий Мережковский». Прекрасно понимая, что и ее век истекает, а самого дорогого человека можно воскресить лишь в слове. На то, чтобы закончить весь труд, времени так и не хватило. Но страницы, посвященные тифлисской жизни, написаны. Они стали уникальным свидетельством далекой романтической эпохи, тех отношений, которые в нашем прагматичном XXI веке могут показаться смешными.

И все же, проходя в Сололаки мимо дома с Оттеновской аптекой, вспомним строфы Владимира Эльснера:

*Мое окно глядит на небеса.
По ребрам крыш, мотая галуны,
В него врываються рога луны;
А днем галдящих галок голоса.*

*На подоконнике с моим гербом:
(О том, конечно, лира и амур) -
Отатуированный том Рембо
И жирный лист желанных корректур.*

▲ Дмитрий Мережковский

А, прогуливаясь по улице Бесики-Давидовской, представим себе 75-летнюю женщину, «рыжую бестию Серебряного века», так описывающую свой давний приезд в Тифлис: «Вот этот приезд и решил нашу судьбу – мою в особенности».

Эти строки напоминают нам о двух свадьбах, связанных со старым тбилиским районом и русской поэзией.

Владимир ГОЛОВИН

▲ Лана Касати

Не буду углубляться в корни своего семейного древа. Просто совершу небольшой экскурс в историю, чтобы избежать путаницы. Так случилось, что моя бабушка по материнской линии, рожденная в осетинском селе Гизель, вышла замуж за тбилисского осетина, чья семья переселилась туда из Дигоры. Через много-много лет их старшая дочь (моя тетя) вышла замуж в Гори, а младшая (моя мама) во Владикавказе.

Тетя, которая старше мамы на восемь лет, врач по образованию, всегда нервно реагировала на родительские перемещения по Советскому Союзу (они состояли в археологической группе, ездили на раскопки и вообще жили как настоящие студенты). Она же к тому времени активно строила карьеру и воспитывала сына Георгия, но твердая рука все же прощупывала пульс молодой семьи. Естественно, что рожала мама в Гори. Это был 1991 год, и Грузия после развала Советского Союза активно отделялась, так что обстановка была доведена до градуса. Отец на тот момент был в Москве. Конечно, я не помню всех прелестей первых лет 90-х, но дальше всплывают довольно четкие картины.

Зима. Снег. Мама с Георгием везут меня на санках в парк. Нет, мы едем не развлекаться. У нас очень важная миссия: мы должны купить дрова для растопки.

А для готовки были газовые баллоны. Помню, у нас

У МЕНЯ ЕСТЬ КОРНИ

их было два, и я всегда внимательно следила, чтобы сапжок на баллоне после выключения печки тоже был отключен (а то как объясняла мне бабушка на ломаном русском «взарвиотса и рухнит»).

Бабушка вообще была удивительной женщиной. По вечерам сидя в ее тбилисском доме, возле буржуйки, при тусклом свете самодельных свечей она рассказывала такие истории, что я забывала про недосмотренный мультик (свет постоянно выключали) и, перестав капризничать, раскрыв рот, слушала истории про ее жизнь. Когда мы подросли, бабушка стала часто делиться с нами пенсией.

А когда я возмущалась, почему брату всегда достается больше, бабушка понижала голос и заговорщицки поясняла, что он старше (Георгий старше меня на 8 лет) и вообще он мальчик и несчастная сиротка (отец умер, когда Георгию не исполнилось и двух).

«Несчастливая сиротка» хватал пистолет, рогатку и с ворчанием уносился на улицу: «Не хочу я кушать, мне надо стрелять проклятых разведчиков». Иногда мне удавалось улизнуть с ним, а иногда бабушка успевала меня перехватить и прочитать лекцию о том, что я девочка, нужно быть скромней, говорить тише, ходить в платьях и вообще замуж меня никто не возьмет, если я буду так громко орать и прыгать с деревьев. Потом видя, что это не действует, она вздыхала и произносила

очень тихо и вновь на русском: «Ты не балуйся. Я вот пенси возьму, куплю отрез и сошью тебе платье».

Вот это больше всего удивляло маму. То, что бабушка всегда говорила с нами на русском, хотя я начала разговаривать на грузино-осетинском. В детстве для меня это был один язык. Я серьезно так считала до очередного переезда в Осетию, где выяснилось, что меня понимают лишь наполовину.

Вообще, и в Осетии, и в России было много удивительных вещей. Например, воду не нужно было нагревать, она шла из крана, а вместо вкусного виноградного сока и свежего домашнего мацони были соки в упаковках и кефир из супермаркета. Отец сначала очень нервно реагировал на мои шумные вопли. А вопила я каждый раз, как включали свет «щучки мовидааа!!!» (груз. «свет пришееее!!!») очень громко, чтобы соседи услышали (а то вдруг кто не знает и зря жжет свечи).

Во Владикавказе тоже было здорово. Мама часто брала меня на новую работу, и я четко выучила, что «холестерин – это сосудистый риск!» В нашей квартирке было очень весело. У нас всегда было полно людей. Друзья родителей, многочисленные родственники. Георгий тогда жил с нами. (Он, как и я, попеременно ходил в разные школы. Правда, в российских школах ему хватало ума притворяться. Он имитировал ужасный акцент и делал вид, что не понимает русского языка. Грузинские уроки он попросту прогуливал). Периодически мама и дядя устраивали ему взбучки. Мама могла отвесить ему подзатыльник, но по школе ходили ужасные слухи о несчастном грузинском сироте, которого злая тетя выгонит из дома, если ему не поставят четверку. Да-да! Именно четверку! На тройку Георгий никак не соглашался.

Мама всегда готовила кучу вкусностей, и гости задерживались допоздна. Иногда в нашей двушке оставались ночевать сразу несколько человек и вечером они разыгрывали в карты, кто поведет меня утром в садик. Пока я устраивала свои разборки с детсадовцами, у нас в квартире разыгрывался приз вечера (кто же заберет меня из садика).

Часто мы ходили в гости к маминной бывшей преподавательнице психологии, у нее дома собирался бомонд. Тогда я не совсем понимала, что это значит. Для меня ставили табурет, на табурет становилась я, и меня слезно просили рассказать то, что я помнила из «Нартовского эпоса». А помнила я все.

Так я и росла на контрастах, регулярно переезжая то туда, то обратно. Ходила попеременно в два садика (из грузинского я потом ушла, так как там каждый день кормили лобно), потом в две школы. И признаться честно, все детство, вплоть до 9-го класса я больше склонялась к жизни в Грузии. Даже зимой. Без света, газа, теплой воды и без лакомств, которые полюбились мне в России, а в Грузии их было не достать.

Хотя и в России я любила бывать. Играть на освещенных улицах, смотреть мультики, купаться в ванне с пеной, читать книжки в любое время суток и покупать разные интересности. Я помню, самое неприятное было, когда очень подружисься с кем-то на улице или во дворе, начинаются игры, идеи всякие, и вот уже пора ехать.

Взрослые не задавали мне вопроса: «А кого ты больше любишь маму или папу?» Они больше интересовались: «А где тебе больше нравится в Грузии или Осетии-России?» И я ненавидела этот вопрос. Я так же стандартно отвечала: «И там и здесь». И это было чистой правдой. Когда я достаточно подросла, дед

обожал сажать меня рядом и задавать вопросы о политике. О том, как там живется, и что мне там нравится. Особенно его интересовало то, что говорят о России простые люди и как они там настроены, хотят ли войны или все же дружить с нами? По мере того, как я взрослела, отец проявлял все больше недовольства относительно поездок в Грузию. Ему казалось, что тетя чересчур меня балует и вообще совсем я не похожа на типичную осетинскую девочку. Уж слишком дурной характер. А я, оглядываясь на прошлое, на свое детство, не перестаю благодарить судьбу за то, что родилась в Грузии. Взрослела в Осетии. Получала все же больше российское образование. Я видела изнутри эти непохожие друг на друга страны. Этих людей, которые разговаривают на разных языках, но одинаково дороги мне.

Конечно же, у меня были проблемы. Не только из-за самих переездов. Не только с учебой. Как однажды мне сказала моя соседка: «Ты никогда не будешь принята до конца не нами, не ими. Для каждого ты останешься чужой». Тогда я обиделась, но позже поняла, что есть истина в ее словах. Но каждое жуткое событие в России было для меня мучительным. Я помню, как всей семьей мы ужасались терактам, помню как плакала бабушка и звонила родственникам.

Почти ежегодные взрывы на улицах Владикавказа. Списки жертв. Помню, как рыдал маленький Беслан, когда хоронил своих ангелочков. Помню стены школы в крови. Это то, что навсегда изменило меня. Моих близких. Маленькую Осетию. Весь мир.

Я никогда не понимала этих территориальных вопросов. Этих странных взглядов с национальными делениями. Но всегда находился кто-то очень заботливый, кто жаждал мне объяснить, почему эта нация паршивая, а та плохая и вообще они все стоят на ступень ниже нас. Но мне повезло, моя семья всегда учила меня не воспринимать такие вещи, отличать ложь от правды. Да и как могло быть иначе? Я четко помню, кажется, свой 11-й день рождения во Владикавказе. За несколько недель до него мои колеса по кварталу на велосипедах и около базара познакомилась с мальчиками из бедной азербайджанской семьи и девочкой

▼ С братом Георгием

цыганкой. Эта небольшая компания и решила отобрать у нас велики. Конечно, мы поскандалили, подрались от души, но под конец как-то очень крепко подружились. И, конечно же, я пригласила их на свой день рождения домой. Надо отдать должное моей маме, она усадила толпу чумазых ребятишек за стол и накормила досыта. Кстати, каждый из них пришел с подарком. Кто-то подарил заколку, кто-то книжку по квантовой физике, кто-то букетик искусственных ромашек. Мама не ругалась и не запрещала мне с ними водиться. Это оказалось для меня моральным уроком, и я окончательно убедилась в своих более ранних догадках, что неважно, где именно ты находишься, везде будет кто-то бедный, кто-то богатый. Кто-то глупый, кто-то нет. Будут злые и добрые. Но самое главное, что в любом месте можно завести самых лучших друзей и не имеет значения, какое из определений даст им кто-то из взрослых. Я даже записала в своем новом блокноте (подарок девочки цыганки): «Никто ни одинаковый. Скоты есть везде и не скоты тоже».

Когда я бывала в Грузии и слышала что-то неслестное про осетин или русских, я тут же ошетинивалась и вступала в драку, тоже самое было, если я слышала что-то про грузин. Мне повезло с семьей, да и друзья у всех нас вполне адекватные люди. Но, естественно, не все выдержали проверку. У каждого из нас были потери. Меня до сих пор царапают слова одного «близкого друга» детства (случилось это в Гори. Во время войны августа 2008 года). А тогда для меня это был шок, трагедия, слезы. Бесконечные попытки отрегулировать конфликт, на что он хмыкал и выдавал очередную националистическую фразу. Последнюю я помню смутно. Но общий смысл был таков; «Очень хорошо, что в Цхинвали все сожгли. Он будет только наш. Пусть сдохнут наконец. Мы построим там себе новые дома». Я уже не помню, что было громче – звук пощечины, что я ему влепила, или звук захлопнувшейся за мной двери. С тех пор прошло достаточно времени, за которое после его нескольких снисходительных попыток «наладить отношения», мы научились не пересекаться и сухо кивать друг другу издалека.

Война, что и говорить, оказалась суровым уроком. Все эти дни мы работали крошечной медицинской командой в опустевшем городе. Когда не работали аптеки, и Красного Креста не было и в помине, тетя позвонила друзьям-врачам в Тбилиси и они на свои деньги купили дорогие лекарства и прислали нам. Официальная гуманитарная помощь пришла через три дня. Все аптеки были закрыты, а город напоминал Сайлент-Хилл (причем первыми удрали представители правительства). Работали только мы и два крохотных магазинчика в разных концах города.

Я никогда не забуду тех августовских дней. Тех стариков, мертвых улиц, по которым периодически проезжали лишь БТР. Той грязной лжи, льющейся с телеэкранов...

Это была информационная война. Это был мой идеально выученный урок. И за него я могу сказать еще одно горькое спасибо.

До 2008 года я училась в российском колледже и собиралась поступать в петербургский вуз. Тем летом я отдыхала в Гори. После войны я осталась в Грузии. Не захотелось оставлять внезапно заболевшую бабушку. Поступила в Тбилисский университет. Проучилась год и перевелась в другой, театральный. Я учусь в русской группе (Есть у нас такая. Хотя, возможно это был последний русскоязычный набор), которая стала для меня интернациональной семьей. Весь университет называется нас русскими и мы не поправляем (нас пять человек. Как в анекдоте. Грузинка с итальянскими корнями, мегрелка с китайскими, армянин, еврей и осетинка). Мы говорим на русском языке.

Мы играем на русском языке. Читаем, пишем, мы дышим этим языком. У каждого из нас своя история, свой дурацкий характер. Свои больные точки.

Как и любая семья, мы ссоримся, обижаемся, дуемся. Как и любая другая семья, наша не идеальна, но наши истории сплелись в одну. И кланюсь, это одна из самых прекрасных вещей в моей жизни. Заниматься любимым делом со ставшими родными людьми. Мы действительно стали родными несмотря ни на что. Знаю, что через два года наши дороги разойдутся. Но никто из нас уже не станет прежним. И я безумно горжусь нами и буду делать это всегда.

Я хочу сказать, что каждый из нас может стать частью интернациональной семьи. Нам есть чему друг у друга учиться. И все эти слова про кресты, евреев, церкви это, по правде, такие мелочи. Я атеистка, мой лучший друг мусульманин, мой молодой человек язычник, но мы охотней поспорим из-за сорта вина или новой постановки в театре нежели из-за очередной бредовой провокации, брошенной с ТВ или религиозности друг друга.

Когда-то в детстве я посмотрела фильм «Леон». Помните его растение? Тот момент, про корни. После слов моей соседки я ассоциировала себя с ним. Всегда говорила маме, что у меня нет корней. Я мечусь между двумя странами и ни одну не могу полностью назвать своим домом. Но думаю, я получила еще один урок. У меня есть корни. И всегда были. И неважно, в какую землю я пушу их. Важно то, что будет у меня в душе. И надеюсь когда-нибудь пустить корни и расцвести, а не засохнуть под тяжестью бесконечной ненависти и агрессии. Пусть наше небо будет чистым. Пусть воздух будет прозрачным без налета такого модного нынче цинизма.

Лана КАСАТИ

РЯДОМ С ДОКТОРОМ ЦОПЕ

▲ Вахтанг Хуцидзе с внучкой Элене

Необыкновенный 1956 год. Год открытий и потрясений, трагедий и триумфов. Год, когда многое случилось впервые и вошло в историю навсегда.

На XX съезде КПСС Никита Хрущев выступил с докладом о разоблачении культа личности Сталина. В Венгрии поднялось восстание против правящего режима, подавленное советскими войсками. В итальянских Альпах, в городке Кортина д'Ампеццо прошли VII зимние Олимпийские игры, на которых впервые и с огромным успехом выступила сборная Советского Союза. В Париже состоялся первый финал Кубка европейских чемпионов по футболу, в котором победу одержал «Реал Мадрид». В швейцарском городе Лугано прошел первый конкурс песни «Евровидение». Джон Ленон в Ливерпуле собрал свой первый музыкальный коллектив, который дал впоследствии начало «Битлз». В СССР вышло Постановление Совета Министров «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях». В Тбилиси части советской армии расстреляли мирную манифестацию...

Но в том же Тбилиси произошло еще одно событие, на этот раз – со счастливым продолжением.

Выпускница Театрального института, красавица с уродливым носом, так и не дождалась ни одной роли. Казалось, жизнь кончена. Со слезами на глазах она умоляла молодого отоларинголога сделать ей пластическую операцию. Ринопластику в СССР, конечно, делали, но только в случае травм. Эстетическая необходимость не считалась причиной для проведения операции. И что делать врачу? Но девушка была так несчастна и так настойчива, что он решился. Была-не была, хуже не будет. Небольшая операция – 35 минут под местным наркозом. Но хирург применил новый, никем неиспробованный метод – эндоназальный. В

этом случае все манипуляции проводятся внутри, без наружных разрезов, а значит – без видимых швов и рубцов. Такая операция была произведена в принципе впервые, стала революционной и задала новую высоту в медицине. Хирурга-новатора звали Вахтанг Хуцидзе. Приятели еще в школе придумали ему прозвище, под которым он и стал знаменит. Цопе. В Грузии, да и не только в ней, это имя не нуждается ни в пояснениях, ни в рекомендациях.

«Нос – важная деталь, определяющая внешнюю красоту человека», – говорил доктор Цопе. И хотя за годы практики он провел тысячи сложнейших операций по исправлению серьезных врожденных дефектов, по восстановлению облика людей, попавших в аварии и катастрофы, для мировой медицины он, прежде всего, – основатель грузинской школы пластической хирургии. За годы работы им было проведено около 50 тысяч операций по ринопластике.

22 января – 40 дней, как не стало заслуженного врача Грузии, почетного гражданина Тбилиси, кавалера Ордена Чести Вахтанга Галактионовича Хуцидзе, человека, который при жизни вошел в легенду.

Мы вспоминаем великого хирурга с его супругой, доктором биологии Нуну Харебава.

- Я нахожусь в каком-то нереальном состоянии. Мне все еще кажется, что Вахтанг где-то здесь...

- *Расскажите о нем.*

- Он родился в 1923 году в Цагери. Я так надеялась, что в этом году мы справим его юбилей. Отец Вахтанга был фармацевтом, до преклонных лет заведовал аптекой на Вере. Мама была домохозяйкой, очень красивая женщина, ездила верхом, в дамском седле. Семья переехала в Тбилиси, где Вахтанг и закончил школу. Его одноклассниками, кстати, были Эроси Манджга-

ладзе, Медея Яшвили... Со школьных лет он рисовал, мечтал стать художником, скульптором. Много его картин сохранилось, хотя он раздаривал их направо и налево. Писал замечательные пейзажи, натюрморты, но в основном – портреты. Я тут разбирала бумаги и обнаружила, что у него уйма автопортретов. Очень удивилась, не ожидала, ведь он совершенно не самолюбленный человек. Может быть, ему так сподручнее было – сядет, смотрит в зеркало и рисует. И никаких моделей не надо (улыбается).

- По-моему, это говорит о склонности к самоанализу. Он был самоед?

- Нет, нет. Знаете, он был очень жизнерадостный человек. Даже если случались неприятности, тут же о них забывал. Не умел переживать долго. Легко справлялся с проблемами, они никогда не сказывались на семье – никакого плохого настроения, никакого раздражения.

- Какой счастливый характер!

- Очень. Помню, как замечательно его охарактеризовали двоюродные сестры-лечумки – гулбалиша кациа. Я тогда первый раз услышала это выражение. Даже не знаю, как его точно перевести.

- Наверное, мягкосердечный человек. (Дословно – «человек с сердцем-подушкой» - Н.З.).

- Пожалуй... В 1941 году Вахтанг окончил школу, собирался поступать в Академию художеств. Но началась война. Какая уж тут живопись... Врачи были очень нужны, и он поступил в медицинский институт. А младший брат пошел на фронт, был связистом. Погиб на территории Румынии... Вахтанг, будучи студентом, играл в Театре Марджанишвили. В массовках, конеч-

▲ С супругой Нуну Харебава

но. Кроме того, он гримировал артистов, у него получалось прекрасно. Как-то раз ему дали роль с репликой, он вышел на сцену, увидел черный зал, забыл все слова и убежал за кулисы. С трудом его вернули на сцену, он выговорил свою реплику, и на этом его карьера артиста кончилась. Он закончил институт, начал работать в первой городской больнице. Его первым наставником стал профессор Георгий Нацвлишвили, заведующий отделением отоларингологии. Вначале Вахтанг прославился как ларинголог. Он виртуозно резал гланды, по 20 операций в день делал. А потом – ни у кого не учась, нигде не наблюдая – создал свой авторский метод ринопластики. Вахтанг был очень рискованным человеком в профессии, никогда не останавливался ни

перед какими трудностями. Его ничего не пугало. Это удивительно, ведь в жизни он, в общем-то, не такой уж был смелый и отчаянный человек.

- Как вы познакомились?

- Я сделала у него операцию по удалению гланд. Всегда говорю, что он меня загипнотизировал своим медицинским зеркальцем. В 1964 году мы поженились.

- Вы шли оперироваться именно к нему?

- Конечно. Он тогда уже был очень знаменит.

- Под именем Цопе?

- Его так прозвали еще в школе. В младших классах он был выше всех. А потом перестал расти. А прозвище осталось.

- Для непосвященных объясним, что «цопе» - это и длинношейей голубь, и верзила.

- У Вахтанга был приятель Пучура, то есть «крошка». Он был, как шкаф. Вообразите, как их представляли знакомым людям: огромный человек по прозвищу Крошка и невысокий – Верзила... Вообще, ни одно мгновение жизни у Вахтанга не обходилось без юмора. Он был потрясающий рассказчик, большой шутник. Даже в последний год жизни, когда он уже неважно себя чувствовал, не терял чувство юмора. И даже пошел на свадьбу внучки 2 октября, и остались очень забавные фотографии.

- Ваш брак всегда был счастливым?

- Всегда. Особенно первые 15 лет. Я даже удивлялась – из-за чего вообще супруги могут ссориться? Но после 15 лет совместной жизни я поняла, что Вахтанг совершенно непрактичный человек. И мы как сидим в четырех стенах, так в них и останемся на всю жизнь. Он абсолютно не задумывался о бытовых вопросах. И я просто заставила его купить домик в Цхнети. Мы переехали сюда в 1990-е годы, потому что здесь не отключали электричество – в Цхнети жило много беженцев. Прожив здесь год, не могли себе представить, что можно жить в Тбилиси. А для меня особенно важно, что есть двор и сад. Мое детство, очень хорошее, счастливое, прошло в Анасеули, в Озургети. И мои воспоминания – это прежде всего огромные красивые сады. Вахтанг, конечно, тоже наслаждался, но к этому не стремился.

- Он был непрактичен во всем?

- Во всем! Совершенно. И в 90-е годы мы остались без ничего. Оказывается, у всех были какие-то запасы, а у нас – пусто. У Вахтанга все время одалживали деньги, он легко давал в долг, очень просто расставался с деньгами. И почти никто долги не возвращал. Или, например, нас приглашают в ресторан, на день рождения какого-нибудь друга. Потом оказывается, что все оплачивает Вахтанг. А ведь сколько пациентов приезжало к нему! Он в день делал по 5-7 носов. Конечно, это было тяжело. Но он не умел отказывать.

- И из этих семи носов в день, наверное, только один был платный?

- Ну да, ведь все были знакомые, друзья, друзья друзей, знакомые знакомых и так далее. Знаете, я как-то обратила внимание, как выглядят жены его друзей... Для Вахтанга не было разницы – стекло или бриллиант. «Стекло тоже блестит», - говорил он. И для меня это тоже не было важно. У меня есть образец – моя бабушка, Любовь Яковлева-Чхаидзе. Она была смолянка – окончила Смольный институт. Потом в Ялте, где жила семья Яковлевых, познакомилась с Ираклием Чхаидзе, выпускником Императорского Никитского училища садоводства и виноделия, стала его женой. В 1921 году в Ялте вошли красные и потопили ее в крови – было

▲ Оперируют отец и сын Хуцидзе

беспощадно уничтожено более сорока тысяч офицеров вместе с семьями, родственниками, всеми, кто имел какую-то связь с белогвардейцами... Брат бабушки Сергей, офицер армии Врангеля, уехал из Ялты на последнем пароходе. Он умолял сестру ехать вместе, она отказалась. И они с моим дедом бежали в Бахви, в Гурию, жили в маленьком деревянном домике, так называемом «кухна-сахли», и она, как декабристка, никогда не роптала. Бабушка неоднократно писала на имя Сталина, надеясь вернуть брата. И он получил разрешение на возвращение, но так им и не воспользовался – не захотел ехать в Грузию через красную Москву. Бабушка с ним так и не увиделась, а мы с Вахтангом ездили к нему в Монте-Карло. В 2002 году в Свободном театре мы провели спектакль-презентацию книги стихотворений Любови Яковлевой-Чаидзе «Судьба». Я часто думала: если моя бабушка, после того образа жизни, который она вела в Петербурге и Ялте до революции, смогла смириться, то что уж говорить обо мне...

- А что было самым важным для Вахтанга Галактионовича?

- Друзья и работа. Дружба для него была даже выше семьи. Для друзей он был готов на все – пойти куда угодно, стучать в любые двери, просить о чем угодно, о самом невероятном. А для меня, для детей – нет. Ему это было неудобно. Он мне говорил – ну как я могу кого-то беспокоить, просить за себя? Нельзя. Никогда.

- Ой, я бы обиделась...

- Я тоже обижалась.

- И что?

- И ничего. Его изменить было нельзя. Крайне редко, если я уж очень наседала, он куда-то шел – но с трудом, еле волоча ноги. А для друзей – летел. Он не мог без друзей и не мог не делать носы. Представьте, приезжаем в Кобулети. 1990-е годы. Все несчастные, все бедные. Девушкам замуж хочется, а у них носы плохие. И они приходят к Вахтангу. «Доктор, спаси, по-

моги» - «Ну, приезжай в Тбилиси» - «Не могу, денег нет». Что делать? Сажал тут же в комнате, раз-раз и готово. Понимаете, он просто не мог отказывать. А потом красавицы приносили ачму и пахлаву. Больше им нечем было отблагодарить. И в Кобулети это у нас было вечное угощение.

- А какой он был отец?

- Вы знаете, у меня такое ощущение, что мы все время куда-то мчались. Всегда он нас возил по Грузии и обязательно – новыми дорогами.

- Это очень символично – привычка ехать неизвестными путями.

- Помню, мы часто ездили в Бакуриани вместе с Костей Мадичем и его семьей. Слышали о таком?

- Ну, конечно.

- У Вахтанга тогда была старая «Волга» ГАЗ-21. Лучшей машины я себе не представляю. Две семьи с детьми и со всеми вещами помещались в эту машину. И Вахтанг все время говорил детям – не называйте меня Цопе.

- Почему?

- Чтоб не услышали, не налетели. Знаете, с ним вообще невозможно было пройти по улице или пойти в кино – кто-то обнимает, кто-то благодарит, кто-то кланяется до земли... Это было что-то невероятное. Приехали мы, например, отдохнуть в Бакуриани. Так из 11 дней он провел с нами всего один. В первый же день его схватили и куда-то потащили.

- Работать?

- Да нет! В гости! То в Ликани к Ираклию Абашидзе, то еще куда... Я всегда говорила, как другим людям просто справлять свои дни рождения – приходят 15 человек, 20... А у нас – 50, 100. И все равно мест всегда не хватало.

- В фильме о докторе Цопе «Сделайте меня красивой» собраны любопытные высказывания. Ираклий Габашвили, художник: «Я категорически против этих операций. Под любой внешностью есть огромное сердце. Изменив внешность, перестану ли я страдать?» Зураб

Нижарадзе, художник: «Все будут на одно лицо». Мзия Гомелаури, психолог: «Человек должен быть собой, таким, какой он есть». И потом, простите, но иногда доктора Цопе упрекали в том, что он делает похожие носы.

- Ну что вы! Он одинаковые носы никогда не делал. Тот, кто так говорил, кривил душой. Или искренне заблуждался. В Париже был хирург Обри – вот он был известен тем, что делал совершенно одинаковые носы. А Вахтанг был скульптор, художник. Корректируя нос, он иногда изменял и подбородок, чтобы лицо было более гармоничным. Часто приводил пример творческого отношения к делу: в Мексике он присутствовал на операции носа, которую проводил хирург, получивший медицинское образование в Америке. Врач остался доволен, но в целом ему не понравилось лицо пациента после операции. За несколько минут он с помощью силикона немного выдвинул вперед подбородок, и лицо преобразилось. И Вахтанг подходил к каждой операции как к творческому акту, к каждому носу – как к произведению искусства. К нему, кстати, очень часто приходили с фотографиями артистов – и мужчины, и женщины.

- В каком смысле?

- В прямом. Просили, чтобы он сделал именно такой нос.

- И какие снимки приносили чаще всего?

- Раньше – Роберта Тейлора. Потом – Алена Делона. А женщины просили нос, как у Элизабет Тейлор или Джинны Лоллобриджи.

- Получалось?

- В том-то и дело, что это невозможно. Ведь нос должен подходить к лицу. Вахтанг говорил про своих пациентов – они становятся не просто красивыми, а счастливыми и свободными. И этим все сказано.

- Доктор Цопе говорил, что после операции пациенты никогда с ним не здороваются. Это правда?

- Правда. Сейчас никто не скрывает, что сделал пластическую операцию, наоборот, афишируют. А раньше это было не принято. Бывало, идем в кино, я вижу – стоит пациент Вахтанга, у меня-то глаз наметанный. И отворачивается. Скольким известным людям он сде-

▼ В.Хуцидзе. «Автопортрет»

лал операции! Но я, конечно, об этом молчу. Многие просили не говорить, приходили на операцию тайком, в выходные дни...

- А вы могли бы назвать тех, кто не скрывал?

- Конечно. Например, Елена Кипшидзе, известная актриса.

Из воспоминаний Котэ Махарадзе:

«Когда-то за тбилисское «Динамо» играл центральный защитник Вахтанг Рехвиашвили. Он стал чемпионом СССР в составе команды в 1964 году. Был кандидатом в сборную страны. В общем, у парня было все впереди. И тут он сделал операцию у Вахтанга Хуцидзе. Через полгода вновь приступил к тренировкам. Но боясь испортить то, что было сделано прекрасным врачом, стал осмотрительнее, играл с оглядкой, головой старался не играть. И постепенно растерял свои замечательные качества. Того блеска, мастерства, уровня у него уже не было. Печальная история. А вот второй пример. Владимир Гуцаев. После операции он по-прежнему пленяет любителей футбола, пленяет девушек. Он стал настолько красив, что по сей день не женат. Такие две истории» (Документальный фильм «Сделайте меня красивой», 1984 г.).

- Слушаю вас и понимаю, что Вахтанг Галактионович в каком-то смысле – последний из могижан. Не только потому, что великий врач. Может быть, я невнимательно смотрю вокруг, но когда вы рассказываете о его умении жить, дружить, общаться... Это, пожалуй, не гедонизм, а счастливая способность быть живым при жизни, ценить каждую минуту. И жизнь платила ему взаимностью.

- Да, таким он и был. Вы знаете, когда мы покупали дом в Кобулету, у нас вообще не было никаких средств, мне пришлось продать бабушкин дом в Озургети, и все равно не хватало. Думали, у кого можно одолжить. Оказалось, не у кого. И его двоюродная сестра обратилась за помощью к лечхумцам.

- Объявила сбор средств для Цопе?

- Именно. И все принесли ей деньги, кто сколько мог. Нужная сумма набралась, и мы смогли купить дом. Благодаря лечхумцам.

- Какие отношения у него были с коллегами?

- У него – безоблачные. Хотя по отношению к нему было много плохого. Распускали слухи, что не оперирует, руки дрожат, отошел от дел, инфаркт, умер. А в советское время пустили сплетни, что у Цопе нашли доллары и его арестовали.... Да мало ли! Все время ходили какие-то слухи.

- Это его трогало?

- Было обидно. Но он быстро забывал все плохое. Знаете, был в Москве преуспевающий хирург Сергей Лапченко. Он приезжал в Тбилиси и присутствовал на операциях Вахтанга. Выйдя с операции сказал: «А я-то последние 12 лет считал, что мне учиться нечему. Какая техника!» Не каждый бы это сказал. Очень показательно, что у Вахтанга была уйма учеников. В их числе – Алеко Хелашвили, Гела Гелашвили, Темур Гасвиани, Гизо Ломтадзе, Дато Цицишвили...

Из «Дневников Свободы» Вахтанга Хуцидзе

(проект Радио Свобода, в котором известные люди в течение недели ведут дневники, а затем озвучивают их в эфире):

«2010, 7 февраля, воскресенье.

Эта ночь не стала исключением: во сне я снова опе-

▲ В кругу семьи

рировал. Видимо, хочется ночью компенсировать то, что не успел сделать в течение дня. На этой неделе запланировано четыре операции. Неплохо, и все-таки это капля в море по сравнению с теми временами, когда я делал 20-25 операций в неделю.

8 февраля, понедельник.

Сегодня понедельник. Говорят, тяжелый день. Не знаю, никогда об этом не задумывался. На работе это всегда был приемный день. В один такой понедельник пришел ко мне парнишка из Зестафони. У него был самый длинный нос из всех, какие я когда-либо видел, он доставал до нижней губы. Грузинский Сирано де Бержерак. Фотографии именно этого носа изумили японского пластического хирурга Фумио – не представлял, говорит, что такое может вообще существовать в природе! В общем, сделал я парню операцию, все прошло хорошо.

Но однажды, 20 лет спустя, заявляется ко мне молодой человек с точно таким же лицом и таким же носом! Оказалось – сын. Сделал операцию и ему. И он был счастлив, как и его отец.

Вечером по каналу Рустави-2 показывали новую передачу – «ბიჭობი» («Одаренный»). Такой бездарности я не видел! Поедать на сцене 40 штук хинкали – это дар?! Это стыд и позор. С каждый днем деградирует вкус. И чувство юмора...

11 февраля, четверг.

Вспоминаю, с каким удовольствием со мной делились секретами мастерства коллеги. Может быть, потому, что я не был конкурентом: доктор Фумио – в Токио, доктор Видаль – в Париже, в Мехико – доктор Алехандро де Рика.

А еще вспоминаю Кубу. Чудесная страна – все танцуют, мужчины и женщины. Идут по улице и танцуют. Это так заразительно! Короче говоря, на одном ужине мы так развеселились, что я вскочил на стол и станцевал на нем.

В Цхнети вечерееет. Долгий был день...

12 февраля, пятница.

Идет снег. С вечера здорово подморозило. Тем приятнее сидеть у камина и читать письма от Элене. Элене – моя внучка. Учится в Париже. По просьбе Нуну общается с нами по-русски.

Английский, немецкий и французский настолько потеснили русский язык, что мы сидим и от души хохочем, читая письма, безупречные стилистически, но переполненные грамматическими ошибками. Потом Нуну снимает с писем ксерокопии, исправляет ошибки и отправляет внучке.

Я так по ней скучаю...»

- Нуну Германовна, чем занимаются ваши дети?

- Горжусь ими. На их долю пришлось тяжелые времена. Оба закончили медицинский институт, но в какой-то момент все кончилось не начавшись. Те годы были ужасными. Ни света, ни тепла... Они-то с Вахтангом создали центр пластической хирургии «Цопе» в здании железнодорожной больницы, который успешно функционирует и сейчас. Но тогда все было так беспросветно. Сына стали приглашать оперировать в Москву. И сейчас он большей частью оперирует там – девять месяцев в году. Зураб – ведущий пластический хирург по ринопластике в «Арт-клиник» профессора Неробеева Института нейрохирургии имени Бурденко в Москве. Он пошел по стопам отца – оперирует его методом, хотя привнес в него и что-то свое. Дочь Майя одно время работала вместе с Вахтангом, затем несколько лет жила в Германии. Она специалист по перманентному макияжу, лазерной хирургии и другим альтернативным методам, которые в сочетании с пластикой дают отличный результат.

- Сегодня, оглядываясь на прожитые годы, какими словами вы охарактеризовали бы вашу жизнь с Вахтангом Галактиновичем?

- Как было хорошо...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

▲ Тамаз Чхенкели

УВИДЕННЫЙ ВБЛИЗИ

Из старших друзей, которых, к сожалению, нет с нами, особо я выделял Гурама Асатиани и Тамаза Чхенкели, и это чувство после их ухода не ослабло. Общение с ними было легким, приятным, душевным, никогда они не подчеркивали свое превосходство над другими, используя свои большие знания, талант. Поэтому так благодарны обоим писатели следующих поколений.

Мне довелось работать с ними в Институте грузинской литературы, и эти годы – самые счастливые в моей жизни. Гурам был заведующим отделом новой грузинской литературы, имел в своем пользовании большой, вместительный стол, и несколько ящиков уступил мне. О нашей дружбе, о его многосторонней обаятельной личности я ранее опубликовал воспоминания, и еще многое осталось недосказанным.

Два года минуло с тех пор, как Тамаз Чхенкели покинул этот сияющий мир, и сейчас понимаешь, каким нужным делом он был занят в грузинской литературе, как обогащал и украшал ее.

О Тамазе Чхенкели мои ровесники узнали в 50-е годы из университетского альманаха «Пирвели схиви» («Первый луч»), где он опубликовал блестяще переведенные им «Крымские сонеты» Адама Мицкевича и статью об искусстве перевода, в которой проявил свои

широкие интересы, безукоризненный вкус, бескомпромиссность суждений, невзирая на авторитеты.

Не будет преувеличением, если скажу, что переведенная Тамазом Чхенкели с большим вдохновением лирика гениального поэта Бо Цзюй-и танской эпохи китайской литературы стала событием в литературной жизни 50-х годов, и каждый из нас знал наизусть не один стих из этой книги (1956). Тамаз Чхенкели убедительно доказал, что использование достоверных научных подстрочников при переводе китайской поэзии намного оправданнее изучения сложнейшего китайского языка.

Еще в бытность студентом филологического факультета ТГУ, познакомившись с Тамазом, я почувствовал наше с ним духовное родство. Тогда же он пригласил меня к себе в Сололаки, дал адрес. Всегда с удовольствием вспоминаю его уютную, с высоким потолком, вельможной старины привлекательную квартиру, проведенные в ней часы, наши душевные беседы.

Стихи, поэзия были предметом его первой любви, и не забуду, с каким чувством, увлеченно говорил он о Григоре Робакидзе, Галактионе Табидзе, Паоло Яшвили, Тициане Табидзе, Георгие Леонидзе, других творцах.

Превосходно знал русскую поэзию. Обожал Пушкина, посвятил ему лучшее эссе («Шаг в будущую поэтику»). Проявлением этой любви стали его прекрасные переводы «Маленьких трагедий». Также был большим почитателем лирики Анны Ахматовой, очень точно перевел одно стихотворение из цикла «Северные элегии». В различное время осуществил переводы стихов Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Беллы Ахмадулиной...

Тамаз Чхенкели уважительно относился к творчеству русских символистов. Им фундаментально было изучено глубочайшее исследование «Дионис и прадиионисийство» Вячеслава Иванова. Сам я в то время увлекался Андреем Белым – его прозой, романами с мистическим видением, трудно расшифруемыми символами, очень мелодичными стихами, привлекающими простотой и пушкинской прозрачностью. Я поделился с Тамазом своими мыслями и он согласился к моей радости. Помню, как прочел ему наизусть ранний стих Белого («Прошлому!»), в каждой строке его чувствуется легкое дыхание поэта, услаждающая слух музыкальность:

Сентябрьский, свеженький денек.

И я, как прежде, одинок.
Иду-бреду болотом топким.
Меня обдует ветерок.
Встречаю осень сердцем робким.

В ея сквозистую эмаль
Гляжу порывом несогретым.
Застуденеет светом даль, –
Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце – блещущий фазан –
Слетит, пурпурный хвост развеяв;
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак – змеев.

.....
Холодный, темный вечерок.
Не одинок, и одинок.

Тамаз просиял: «Поскольку ты так любишь Андрея Белого, я должен подарить тебе издание 1909 года, в которое внесено именно это стихотворение». Достал с полки сборник стихов «Урна» и надписал своим красивым, каллиграфическим почерком: «Эмзару с любовью – Тамази, май 1959 г.».

Тот теплый весенний вечер никогда не изгладится в моей памяти.

Отдельно надо сказать пару слов об изысканной поэтической культуре Т.Чхенкели. Он с юношеских лет, в сороковые писал заслуживающие внимание свободные стихи, но полного совершенства этой формы достиг, переводя великого поэта Индии Рабиндраната Тагора, его «Гитанджали» - бессмертные любовные гимны.

Его выдающаяся заслуга – в становлении и развитии современного грузинского верлибра, чем широко пользуются поэты следующих поколений. Этот факт в короткой юбилейной статье подчеркнул наш поэт и переводчик Давид Цередиани.

Многое прошло с тех пор...

Тамаз достал из ящика стола объемистую тетрадь и прочитал свои неопубликованные стихи юношеской поры. Я был поражен – какое стремление к свободе проявил этот юноша в эпоху ледящего душу тоталитаризма, к свободе, без чего человек теряет свое достоинство и все обесценивается.

«Картлис цховреба» («Житие Грузии»), древнюю и новейшую грузинскую литературу знал досконально, любовь к родине выражал в наиоткровеннейших строчках, без трафаретов и ложного пафоса, но в 40-50-х

▼ В студенческие годы

нельзя было и думать опубликовать эти стихи, автора могли даже заключить под арест, как нескольких друзей юности Тамаза Чхенкели, среди них и Отия Пачкория. За смелые разговоры того арестовали и выслали в Среднюю Азию, в лагерь, где он провел восемь лет. По возвращении был восстановлен в университете, определен на наш курс. В высшей степени образованный критик и писатель, он мне сказал: «В Ортачальской тюрьме пришли меня проведать и поддержать Тамаз Чхенкели и Арчил Сулакаури, никогда этого не забуду». Понятно, что такой поступок был связан с огромным риском, но друзей это не остановило.

Я не новичок в литературоведении и позволю утверждать: среди трудов о Важа Пшавела не имеет себе равных по глубине и масштабности монография «Трагические маски» Тамаза Чхенкели, которую он посвятил «бессмертной душе Важи».

Сильнейшее впечатление производит предисловие книги, где с большим знанием и вдохновением восстановлены и по крупницам собраны воедино рассеянные в различных труднодоступных материалах сведения и исследования старейший пантеон Пшав-Хевсурети – «источник народной фантазии»; из него родились «Змееед» и «Алуда Кетелаури», что свидетельствует о крепких корнях, на которых они зиждутся, обеспечивая себе бессмертие. Эту ценную монографию обогащают новыми гранями восемь «Писем о Важе» (2009) Тамаза Чхенкели.

Обаяние личности моего старшего друга, его характер, эстетика символов веры ярко проявились в изданной в Батуми (2002) очень значительной книге «Зеленый берилл» – эссе, творческие портреты выдающихся грузинских деятелей культуры, писателей, интервью с теми, кого уже нет.

Многие годы и огромную энергию он посвятил происхождению, объяснению своеобразия грузинского алфавита. Эти труды, окончательно собранные с энциклопедическим знанием и напечатанные, за год до кончины, в издании (2009), в главной книге его жизни – «Лазарь! Иди вон», на которую Ростом Чхеидзе откликнулся восторженной рецензией.

Тамаз Чхенкели продолжал эту работу, но довести до конца, к нашему глубокому сожалению, не успел. Тяжелое заболевание крови потребовало его срочной госпитализации. Потом супруга писателя, Лили Гоуга сказала мне, что ему полегчало, и его выписали из больницы и он уже дома. Я тотчас позвонил ему на квартиру, на Хилианскую. Мне ответил знакомый, бодрый голос Тамаза. Обрадовался моему звонку. Вылечили, сказал, сейчас чувствует себя вроде неплохо. Договорились, что я навещу его в ближайшие дни. Но вот беда, оба не подозревали, что этот наш телефонный разговор – последний. Оглушенный этой трагической вестью, я тогда написал стихотворение «Гибель Адониса», под которым стоит печальная дата – 11 ноября 2010 года.

Похоронили Тамаза в Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей. Особенно запомнились прощальные слова статьи нашего талантливого литератора, младшего друга Тамаза Чхенкели – Иванэ Амирханашвили: «Нет уже того времени, когда Тамаз Чхенкели был с нами. Целую эпоху, опыт целого поколения вмещает это время. Тем оно и уникально, что неповторимо».

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевел Арсен Еремян

ПУТЬ К ОЛИМПУ

Великая оперная певица Галина Вишневская умерла 11 декабря 2012 года на 87-м году жизни

«Я чувствовала, как с каждым днем наливаюсь жизнью, и мне хотелось кричать об этом на весь мир; мне хотелось петь, любить – ведь мне было только 23 года!»

Так писала юная певица, чудом излечившаяся от коварной болезни, перед тем, как вступить в новую жизнь. Санаторий для больных туберкулезом окружал сосновый лес; гуляя там, она разжигала костер, и над пламенем возносилась мелодия с магическими словами Мусоргского: «Силы потайные! Силы великие! Души, отбывшие в мир неведомый! К вам взываю!» Не те ли силы, к которым взывает Марфа в своем мистическом гадании, пронесли отвергнутую родителями девочку с беспросветным детством через ужасы ленинградской блокады, помогли пережить трагическую потерю единственного родного человека – вырастившей ее бабушки, устоять в адском физическом труде в отрочестве, вынести смерть родившегося в полунищете ребенка.

Но главной силой, которая вела ее по жизни, была музыка; под ее эгидой будущая артистка прошла всю блокаду, испытывая ее власть даже при отключенном сознании.

«Я жила в каком-то полусне. Опухшая от голода, сидела одна, закутанная в одеяла, в пустой квартире, и мечтала... Не о еде. Плыли передо мной замки, рыцари и короли. Вот я иду по парку в красивом платье с кринолином, как Милица Корьюс в американском фильме «Большой вальс»; появляется красавец герцог, он влюбляется в меня, он женится на мне. Ну и, конечно, я пою – как она в том фильме (я еще до войны смотрела его раз двадцать)». Первая должность в театральном мире помощник осветителя сцены в Ленинграде (1943) в выборгском доме культуры, где проходили выступления не только артистов Большого драматического театра им. Горького, но также оперных певцов).

«И вот я впервые сижу в зале Михайловского театра и слушаю «Пиковую даму»... Спектакль был исторический: еще не снята блокада, а в зрительный зал пришли ленинградцы – не опомнившиеся от страшного голода и холода, сидят они в зале в шубах и шапках. Но вот, пришли услышать гениальное творение Чайковского.»

Попытка к получению образования в музыкальной школе им. Римского-Корсакова завершилась печально. Знаменитый преподаватель, к которому она постаралась попасть, не понял, с каким дарованием имеет дело, и, не сумев подобрать ключи, едва не оставил ученицу без голоса. Почувствовав такую опасность, через полгода Галина покинула школу. Случай помогает ей стать опереточной певицей.

«В ленинградский областной театр оперетты меня привела одна знакомая девчушка. – Пойдем, поступим в театр. Будем ездить – интересно! Пришли к директору Марку Ильичу Рубину (в ближайшем будущем мужу Галины – М.К.), спели ему по романсу... ну, нас и приняли. Так началась моя артистическая жизнь. Я знала, как держать веер, как обращаться со шлейфом, какой должна быть осанка, руки...»

Жизнь опереточной артистки не была продолжительной. Когда в 1948 году, трагичном для судьбы многих выдающихся деятелей культуры, в театре началось засилие антихудожественного репертуара с угодной правительству идеологией, Галина с мужем покинули театр, посвятив себя концертной деятельности.

«Я... решила совершенствоваться как эстрадная жанровая певица. Примером, идеалом эстрадного пения была для меня Клавдия Шульженко... С самого появления ее на сцене я попадала под обаяние ее огромного мастерства, ее пластики, отточенности ее движений. Из известных мне певиц я могу сравнить ее по степени таланта только с Эдит Пиаф, хотя по характеру дарования они совершенно разные: в Пиаф – надломленность, трагический надрыв. В Шульженко – мягкая лиричность, светлая женственность. После ее пения хотелось жить».

Событием огромной важности стала для Галины встреча с Верой Николаевной Гариной. К этой пожилой даме повела ее подруга, не предполагая, каким судьбоносным окажется этот визит. Свое музыкальное образование Вера Николаевна получила в Вене, приняв школу знаменитой оперной певицы Полины де Лукка, и театральную карьеру начала в городах Евро-

▲ С Мстиславом Ростроповичем

пы. Выйдя замуж за петербургского владельца фабрики музыкальных инструментов, она оставила сцену и стала давать уроки пения в крошечной коммуналке, куда ее выселили после расстрела мужа. К моменту встречи с Вишневской ей было 80 лет.

«Я так быстро делала успехи, что к концу года пела... арии из опер Верди, Пуччини, Чайковского... Я сто процентов переняла ее (В.Н. Гариной – М.К.) школу, чего, к сожалению, не смог сделать ни один из ее учеников».

В 1952 году, пройдя конкурс, 25-летняя Галина была зачислена в труппу Большого театра. Ее первые роли Леонора («Фиделио» Л.Бетховена), Татьяна («Евгений Онегин» П.И. Чайковского), Купава («Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова), мадам Баттерфляй («Чио-Чио-Сан» Дж.Пуччини). Так началось сотрудничество с дирижером А.Ш. Мелик-Пашаевым, которого Галина «обожала как музыканта, мечтала работать с ним и знала, как туго он пускает певцов в свои спектакли». С трепетом она ждала приглашения «на урок» - так называлось прослушивание партии солиста перед предстоящим спектаклем.

«Я начала и пропела ему всю (Леоноры – М.К.) партию от первой до последней ноты без остановок, без замечаний с его стороны. Я понимала, что сейчас решается моя судьба: или я буду петь в его спектаклях, или вылетаю, и он уже никогда меня не возьмет. Допела... Александр Шамильевич на меня уже совсем другими глазами смотрит... «Молодец, деточка..., не ожидал... И я вижу – он взволнован. Знаменитый Мелик-Пашаев, мой первый дирижер!»

Постановка «Фиделио» на русской сцене не имела традиций, образ Леоноры формировался спонтанно. Зато уже с последующих ролей начинается бунт певицы против оперной рутины, которую она ощутила, едва приблизившись к Большому театру. Этим объясняется упорное нежелание исполнять Татьяну. Участие Вишневской в «Онегине» сопряжено с первым опытом работы с великим режиссером Борисом Покровским. На первую репетицию Галина явилась с решительным намерением отказаться от роли, настолько невыносима была отстоявшаяся модель интерпретации, в которой исчезли воспетые Чайковским такие свойства героини, как «глубокая страстность, нежность, жертвенность и смелость».

«Допела до конца. Он молчит. Наконец... заговорил. «Вы прочли, что у Чайковского написано? «Восторженно, страстно» - да она и подниматься с постели не должна... а вылетать!... вот письмо Татьяны: не рассуждая, села в санки, да с высокой крутой горы – вниз! Летит – дух захватило! А опомнилась уже внизу, когда остановились санки... Вот так Татьяна написала письмо, отправила Онегину и только тогда поняла, что она сделала». Я слушала, разинув рот... Как в счастливом умопомрачении вдруг раздвинулся передо мной длинный ряд сцени-

◆ Галина Вишневская в ролях

ческих картин, и я увидела себя маленькой девочкой в Кронштадте... пишушей свое первое любовное письмо. Сладко заняло, затрепетало в груди сердце, и светлый, милый образ Татьяны, Татьяны моего детства, во всей своей неповторимой прелести явился передо мной. Этот замечательный режиссер-психолог пошел от моей актерской индивидуальности... он вручил мне ключ к «моему театру», который давно жил во мне».

С такой же гибкостью режиссер смог пробудить в начинающей актрисе новое отношение к образу Купавы, земному антиподу инфантильной Снегурочки. В результате центром драматургии стал эпизод, когда очарованный встречей со Снегурочкой Мизгирь, охладев в одночасье к Купаве, вероломно обрушивается на потрясенную невесту град обвинений.

«Заводила всей деревни, бой-девка, она (Купава – М.К.) переполнена бурлящими в ней соками жизни... Она чиста, естественна, как сама природа, и бросается в объятия Мизгиря, не раздумывая... И когда Мизгирь упрекает ее (за нескромность – М.К.), на нее рушится небо... Бежит она к царю Берендею не жаловаться, а за правдой и справедливостью. Такая не даст себя в обиду».

Именно спонтанное смещение в расстановке акцентов сюжетной фабулы, в результате чего на переднем плане оказалась Купава, способствовало особому успеху Вишневской

«После генеральной репетиции на обсуждении спектакля выступил знаменитый баритон Алексей Иванов и сказал, что Покровский испортил спектакль тем, что дал партию Купавы Вишневской, потому что Мизгирь не сможет бросить, оставить ради Снегурочки такую Купаву. Для этого надо быть полным дураком. Публика ему не поверит. Мне лестно было слушать, но я знала, что без Покровского я бы Купаву так не сыграла. С первых шагов я с радостью ему поверила, вручила ему свою артистическую судьбу и прошла с ним свой путь до конца».

«Все эти роли – Татьяна, Леонора, Купава – как нельзя больше отвечали моему нутру, моей молодости, открытости чувств, стремлению к справедливости, желанию решать самые важные жизненные вопросы».

Подготовила Мария КИРАКОСОВА

«БЫВАЮТ КРЫЛЬЯ У ХУДОЖНИКОВ...»

▲ На церемонии награждения победителей и лауреатов конкурса

Помните песенку о картинах поэта Александра Кушнера?

«Если видишь, на картине/ Нарисована река,/ Или ель и белый иней,/ Или сад и облака,/ Или снежная равнина,/ Или поле и шалаш, -/ Обязательно картина/ Называется пейзаж...»

Каков он – мир ребенка? Там живут особые герои. У кого-то из малышей есть свой Карлсон, у кого-то – Пеппи Длинныйчулок, кто-то мечтает совершить путешествие с Элли и ее друзьями, попасть с Алисой в Страну Чудес и Зазеркалье, очутиться с Незнайкой на Луне или как Гарри Поттер стать волшебником...

Вот кисти, краски, баночки с гуашью, карандаши, мелки или фломастеры, лист бумаги, картона или кусок холста... И вот рождаются картинки, продиктованные фантазиями ребенка. И дети, рисуя, часто оживляют своих друзей... Ими правит Воображение...

К 175-летию со дня рождения Ильи Чавчавадзе МКПС «Русский клуб» при поддержке благотворительного фонда «КАРТУ» и банка ВТБ стал инициатором проведения конкурса «Отчизна славная моя». В нем приняли участие около 400 ребят – учащихся городов Тбилиси, Рустави, Гори, Болниси и других регионов. Конкурс проходил в трех возрастных категориях: с 5 до 8 лет, с 9 до 13 и старшая группа – с 14 до 17 лет. В жюри конкурса вошли: Андро Бедукадзе (председатель), директор Государственного дома-музея Ильи Чавчавадзе в Сагурамо; Марина Медзмаришвили, доктор искусствоведения; Александр Сватиков, главный редактор журнала «Русский клуб»; Георгий Кухлашвили, художник; Давид Элбакидзе-Мачавариани, художник-дизайнер.

В фойе Большого зала Театра им. А.С. Грибоедова в дни новогодних каникул были выставлены работы (около 250), отобранные для экспозиции.

Все ребята получили дипломы участников конкурса и наборы открыток «Сны о Грузии», выпущенные «Русским клубом», а также стали зрителями яркого и

красочного новогоднего представления грибоедовцев «Двенадцать месяцев» С.Маршака.

Как бы ни было трудно членам жюри, выбор был сделан. Актриса Грибоедовского театра, заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили перед началом спектакля объявила имена победителей и лауреатов. В младшей возрастной группе места разделили жители Тбилиси – всем им по 8 лет: Анна Санадирадзе (1-е место), Саломе Гогуа (2-е место) и Темур Яско (3-е место).

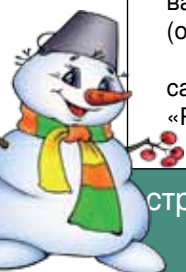
Одна из самых маленьких участниц конкурса 4-летняя Мариам Тевзадзе из Тбилиси стала обладательницей специального приза, который учредил руководитель Союза деятелей искусств Грузии Давид Окиташвили.

В средней группе победительницей и лауреатами также оказались тбилисцы: 9-летние – Саломе Сазандришвили (1-е место) и Гванца Джавахишвили (2-е место), 11-летняя Кесо Мирианашвили (3-е место). И, наконец, старшая возрастная группа выглядит следующим образом: 1-е место занял Вано Кезуа (16 лет, Тбилиси), 2-е место – Этери Хуцишвили (16 лет, Каспи, Квемо Чала) и 3-е место – Мариам Теделури (17 лет, Гори). Гран-при – поездка по «Золотому кольцу России» (учредители «Русский клуб» и Союз российских соотечественников в Грузии «Отчизна»), достался 14-летнему Або Уджираули из Рустави.

Но вот о чем еще не было сказано. Специальный приз на выставке за популярность среди юных художников должны были бы получить Луарсаб Таткаридзе и его жена Дареджан (герои романа Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?!»).

Может быть, после визита к грибоедовцам у ребят появятся новые герои и любимые персонажи. И они опять возьмутся за кисти, краски... Не будем им мешать.

Алена ДЕНЯГА

**РАБОТЫ
УЧАСТНИКОВ
КОНКУРСА
«ОТЧИЗНА
СЛАВНАЯ МОЯ»**

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

▲ Ведущие специалисты клиники: Рамаз Батавани, Автандил Цинцадзе, Георгий Качарава, Ираклий Метревели

Состояние моего здоровья в последние годы резко ухудшилось из-за серьезных проблем с сердцем. Это вызвало необходимость проведения сложной операции шунтирования. Операцию мне осуществили в одной из лучших тбилисских клиник «Джо Энн».

Джо Энн Макговен родилась в 1939 году в Калифорнии. В 1985 году Джо Энн находилась на кинофестивале в Санкт-Петербурге, где совершенно случайно узнала, что у маленькой Маши, дочери одного из переводчиков, врожденный порок сердца. Джо Энн решила отвезти девочку в США. После успешно проведенной операции на сердце Маша полностью выздоровела.

Это событие привело Джо Энн к решению основать в Санкт-Петербурге кардиологическую клинику для лечения таких пациентов. Для осуществления проекта, который был условно назван «Модель Маши», Джо Энн Макговен вместе с единомышленниками учредила в США благотворительную организацию «От сердца к сердцу», с помощью которой в 1987 году в Санкт-Петербурге была создана детская кардиологическая клиника.

В 1992 году грузинский хирург Ираклий Метревели встретился в США с Джо Энн Макговен, которая высказала желание создать в Тбилиси детский кардиологический центр. Спустя некоторое время в Грузии была создана благотворительная организация «Global healing» («Всемирное выздоровление»). В 1993-м грузинские хирурги Ираклий Метревели и Авто Цинцадзе, анестезиолог Мераб Тевзадзе и кардиолог Тамта Боцвадзе отправляются в Санкт-Петербург в основанное Джо Энн Макговен детское кардиологическое отделение, где с целью передачи опыта постоянно находились американские специалисты. Параллельно проходит работа над грузинским проектом. Активное участие в нем принимает американская сторона – вместе с Джо Энн Макговен работают Гленн Ги, Дейв Найлес, Мерлин Мак-Куин, Элизабет Пео, Синди Итон и грузинские специалисты И.Метревели, А.Цинцадзе, М.Тевзадзе, Т.Боцвадзе и В.Лашхи.

Идея создания в Грузии детской кардиологической службы с самого начала получила большую поддержку ведущих специалистов в этой области США и Европы. Среди них особо следует отметить Фрэнка Хенли, директора медицинского центра детского сердца Стэнфордского университета, профессора Ладо Алекси-Месхишвили, руководителя детской кардиохирургической программы Берлинского сердечного центра, Винсента Тама, кардиохирурга Эглстонской детской больницы при университете Эмори, и Вадима Любомудрова, руково-

дителя кардиологической службы Санкт-Петербургской детской больницы №1.

16 сентября 1996 года в Тбилиси открылась клиника детской сердечной хирургии. К несчастью, через неделю после этого события Джо Энн Макговен, одна из основателей и организаторов детской кардиохирургической службы в Грузии, президент «Глобал хилинг», скончалась в Санкт-Петербурге, в основанной ею клинике.

Позднее тбилисской клинике было присвоено ее имя. В соответствии с завещанием Джо Энн Макговен, ее органы были использованы для трансплантации, а после кремации пепел разделили на три части и хранят в Калифорнии, Санкт-Петербурге и Тбилиси.

С 1996 года в Медицинском центре имени Джо Энн были диагностированы тысячи случаев врожденного порока сердца, проведено свыше пяти тысяч кардиохирургических операций и процедур, с командированными из регионов Грузии педиатрами и кардиологами проводятся тренинги по раннему выявлению врожденных патологий и диагностике.

Медицинский центр имени Джо Энн, исходя из необходимости постоянного наличия безопасной крови и ее компонентов для осуществления детской кардиохирургической программы, в 1998-м начал независимую работу по созданию т.н. «банка крови», и с сентября следующего года начала функционировать Служба переливания крови. Программа была осуществлена при поддержке местных и иностранных донорских организаций. Сегодня она действует по принципу бесплатного донорства и производит эритроцитную массу, тромбоциты и криоплазму.

В 2000 году по решению руководителей Медицинского центра имени Джо Энн начала осуществляться программа сердечно-сосудистой хирургии urgentной кардиологии для взрослых, в рамках которой выполнены тысячи различных кардиохирургических операций и процедур. Отделение интенсивной терапии центра осуществляет круглосуточный прием пациентов с острыми и хроническими кардиологическими проблемами. Клиника расширяется, проводится ее реконструкция, после чего станет возможным проведение сложнейших операций для спасения жизни многих наших сограждан.

Завершая эту статью, как недавнему пациенту Медицинского центра имени Джо Энн, мне хочется выразить огромную благодарность ее сотрудникам, давшим мне возможность вернуться к полноценной жизни и работе.

Леван ЧАЧУА

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МАРШАК

Дом, который много, много лет назад построил Самуил Яковлевич Маршак, знают и любят бабушки и дедушки, мамы и папы, мальчики и девочки. Бегут годы, но по-прежнему веселы и молоды обитатели этого дома. Каждый входящий открывает для себя новые строки, новых друзей, новые страны. Герои маршаковского дома любимы всеми. И Мистер Твистер, и Ваня-Встанька, и Робин-Бобин и многие другие стали неотъемлемой частью наших детских воспоминаний.

Самуил Яковлевич родился 23 октября 1887 года в городе Воронеже. Отец – Яков Миронович Маршак работал на разных мелких заводиках (скорее, их можно было назвать кустарными). Умный, одаренный человек, он постоянно над собой работал (самоучкой постиг основы химии, непрестанно занимался различными опытами). В поисках лучшего применения своих сил и знаний, отец с семьей переезжал из города в город, пока, наконец, не устроился в Петербурге. В Острогожске мальчик выдержал экзамены в гимназию на одни пятерки. Стихи сочинять Маршак начал еще до того, как научился писать. Тепло вспоминал Маршак одного из своих гимназических учителей Владимира Теплых, стремившегося привить ученикам любовь к строгому

и простому, лишенному вычурности и банальности языку. Так бы и прожил Самуил Яковлевич в маленьком тихом Острогожске до окончания гимназии, если бы не его величество случай. Судьба уготовила ему во время летних каникул в Петербурге судьбоносную встречу. Маршак познакомился с известным критиком Владимиром Стасовым, который в жизни будущего поэта сыграл роль доброго волшебника. Стасов водил его в Музей Академии художеств, приобщая к великому и вечному, на своей даче в 1904 году познакомил с Горьким и Шаляпиным. Когда Горький узнал о слабом здоровье Маршака, тут же предложил ему переехать к его семье в Ялту, где будущему поэту был оказан очень теплый прием. Оставшись в Ялте в одиночестве (в бурный 1905 год), Маршак по собственному признанию, запоем читал Ибсена, Метерлинка, По, Бодлера, русских поэтов-символистов. Разобраться в новых литературных течениях было нелегко, но они не поколебали той основы, которую прочно заложили в сознание Маршака Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Толстой и Чехов, Шекспир и Сервантес.

Страх быть арестованным гонит Маршака из Ялты в Питер. Но там вновь ему одиноко и неуютно: умер

▲ Самуил Маршак

Стасов, Горький – за границей. Дорогу в литературу пришлось пробивать самому. Это было очень нелегко, если учитывать каким взрывным, беспокойным и страшным было время первой русской революции... Самым теплым воспоминанием тех времен были встречи с Александром Блоком. С первой встречи Блок поразил Маршака своей необычной – открытой и бесстрашной – правдивостью и, порой, трагической серьезностью. Все слова его были продуманны и точны, движения и жесты – чуждые суеты. В те времена Блока можно было часто встретить одинокого шагающим по прямым улицам и проспектам Петербурга, и сам он казался воплощением этого бессонного города. В одном из своих стихотворений Маршак писал, невольно мысленно переплетая образ Города с образом великого поэта-символиста: «Давно стихами говорит Нева, / Страницей Гоголя ложится Невский. / Весь Летний сад – Онегина глава, / О Блоке вспоминают острова, / А по Разъезжей бродит Достоевский...»

В 1912 году Маршак едет учиться в Англию. В Лондоне поступает на факультет искусств (по-нашему – филологический). На факультете основательно изучали английский язык, его историю, историю литературы. Много времени уделялось Шекспиру. Но особенно подружила Маршака с английской литературой университетская библиотека. В ее комнатах, откуда открывался вид на Темзу, впервые познакомился с тем, что впоследствии много переводил: сонетами Шекспира, Китса, Киплинга. А еще набрел он в этой библиотеке на замечательный детский английский фольклор (вот где истоки его изумительных детских стихотворений!), полный причудливого юмора. Воссоздать на русском языке эти трудно поддающиеся переводу классические стихи, песенки и прибаутки Маршаку помогло его давнее знакомство с русским фольклором.

В Англии литературных заработков не хватало на жизнь, жить приходилось в самых демократических районах Лондона, и только под конец удалось посе-

литься поблизости от Британского музея, где жило много таких же студентов-иностранцев. Летом все вместе совершали пешие прогулки по стране, исходили пешком два южных графства – Девоншир и Корнуолл. Во время одной из прогулок Маршак познакомился с очень интересной лесной школой в Уэльсе, с ее учителями и воспитанниками. Как результат – написанная Маршаком «Школа простой жизни». Интерес к детям у Маршака возник задолго до того, как он стал писать детские книжки. Бывая в петербургских начальных школах и приютах, любил придумывать для ребят фантастические и забавные истории, с увлечением принимал участие в их играх. Затем последовало участие в благотворительных акциях для ребят-беженцев. А уже в 1920 году в Краснодаре (куда семья Маршака переехала в 1917 году) был создан один из первых в России театров для детей, который скоро вырос в целый «Детский городок» со своей школой, детским садом, библиотекой, мастерскими. Пьесы для театра писали Маршак и поэтесса Васильева-Дмитриева. Это и стало началом поэзии Маршака для детей, которой со временем уделял так много в своем творчестве. Оглядываясь назад, видишь, как с каждым годом поэта захватывала работа с детьми и для детей. Особую роль в развитии детской литературы сыграла ленинградская редакция Детгиза (1927-1937 г.г.). Именно здесь выступили со своими первыми книгами Аркадий Гайдар, М.Ильин, В.Бианки, Л.Пантелеев, Д.Хармс, Елена Данько, Алексей Толстой со своими «Приключениями Буратино». Трудно переоценить роль Маршака в организации и работе детского издательства.

Детская литература в досоветские времена, кроме немногих общеизвестных хрестоматийных образов в наследии Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Чехова, была объектом приложения по преимуществу дамских сил, совсем в духе того, как об этом безжалостно писал Саша Черный:

*Дама сидела на ветке,
Пикала: - милые детки...*

Сказки Пушкина, хотя они и не предназначались для детей, Маршак считал наивысшим образцом детской поэзии. Его восхищал лаконизм пушкинских строчек (Туча по небу идет/бочка по морю плывет) где разом, без отрыва пера от бумаги, нарисовано вверх огромное небо, а внизу огромное море. Как часто Маршак цитировал строки из «Сказки о царе Салтане», о выходе из бочки младенца-богатыря Гвидона, исполненные веселой энергией, «пружинистостью» действия.

Стих Маршака «работает», усложняясь с возрастом читателя, следуя за ним от простенькой считалки и песенки детского сада, от сказки, которую ребенок постигает на слух в чтении старших, и к открытию им первоначальной радости самостоятельного чтения и освоения – ступенька за ступенькой – все более значительного содержания. Как удивительно солнечно и радостна возникающая из немногих слов картина радуги: «Солнце вешнее с дождем/ строим радугу вдвоем/ семицветный полукруг/ из семи широких дуг/ Нет у солнца и дождя/ ни единого гвоздя,/ а построили в два счета/ поднебесные врата».

Быстро проносятся один за другим двенадцать месяцев «Круглого года», но они уже предстанут перед подросшим читателем детской поэзии Маршака и зрителем пьесы-сказки «Двенадцать месяцев» в более сложной образной форме. До тех пор еще получают право на свое существование (и бессмертие!) и «Пожар», и «Почта», и «Багаж», и «Рассеянный», и «Цирк», и

«Мистер Твистер».

Еще в XVIII веке великий русский историограф Карамзин определил главную задачу детской литературы, обозначив ее названием своего журнала для детей, который стал и первым детским журналом в России. Название звучало как призыв к взрослому человеку: «Детское чтение для сердца и разума». Обратите внимание, для сердца в первую очередь. И это притом, что создавался журнал в самый «разумный» век истории России, когда наука, разум правили бал в умах.

Русские писатели создавали детскую литературу как сердечно выверенную и учительскую, не видя смысла в только лишь развлекательности детского чтения. И она стала заповедным словом в жизни многих поколений в России.

Другой питающий «корневую систему» русской детской литературы источник – это Любовь. «Бог есть любовь» - на этой заповеди держится вся русская литература, в ней нет места ненависти и человеконенавистничеству. Она всегда дышит любовью: любовью к Богу, к человеку, к родине, к природе, семье, матери, «братьям нашим меньшим». Для маленького человека – это вечное и самое надежное убежище на земле. Таким Дом останется для нас всю жизнь, мы лишь расширяем и достраиваем его, - место, куда человек стремится всю свою жизнь, где ему бывает плохо и хорошо, но где его любят и ждут. Такой сформировалась русская детская литература в XX веке, в становлении и развитии которой Маршаку по праву принадлежит особое место как автору, критику, редактору детской литературы. Изумительный знаток русского слова, замечательный переводчик, Маршак первым в русской литературе посвятил главную часть своей большой жизни, поэтического таланта именно литературе для детей. И то обстоятельство, что Маршак очень много времени уделял также переводам, говорит о многогранности его таланта.

Удивительная гибкость и счастливая находчивость при воспроизведении средствами русского языка поэтической ткани, принадлежащей другой языковой природе, объясняется прежде всего тем, что Маршак – настоящий поэт, обладающий в полной мере живым творческим отношением к родному слову. Именно поэтому его Бернс кажется нам уже единственно возможным Бернсом на русском языке – как будто другого у нас и не было. Знатки утверждают, что ни в одной стране мира великий поэт Шотландии не получил такой яркой, талантливой интерпретации. Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, что Мастер, подаривший нам русского Бернса и многие другие образы западной поэтической классики, вправе отстаивать самостоятельную ценность своего вдохновенного, чуждого ремесленнической «точности» подлинного творческого труда. Маршак вошел в поэтический мир шотландского поэта, чтобы раскрыть этот мир для нас в наибольшей полноте и ценности. Но расслышать, почувствовать особую прелесть поэзии народного языка можно только при условии крепких связей с родным. В двустишии «Переводчику» Маршак формулирует строгий завет переводческого дела: «Хорошо, что с чужим языком ты знаком, / но не будь во вражде со своим языком!» Все, чем занимался в литературе Маршак (критические статьи, работа в Детгизе, его собственная гениальная детская литература, его замечательные переводы), пронизано высочайшим талантом, верностью литературе, любовью к поэзии и людям. Последние свои годы, отягченные не отступавшим от него недуг

гом, он спешил творить, спешил прочесть в кругу друзей новую строфу или страницу, чуждый олимпийского безразличия к мнениям и суждениям окружающих. Жизнелюбец и оптимист, он нуждался в живом сегодняшнем печатном или устном отклике на свою работу. Это придавало ему силы, скрашивало нелегкие дни его вынужденного затворничества.

В статье «Право на взаимность» он напишет: «Искусство ждет и требует любви от своего читателя, зрителя, слушателя. Оно не довольствуется почитательным, но холодным признанием. И это не каприз, не пустая претензия мастеров искусства. Люди, которые вложили в свой труд любовь, имеют право на взаимность. Требовательный мастер вправе ждать самого глубокого и тонкого внимания к своему мастерству».

Оставшись лицом к лицу со старостью, с испытаниями недугов возраста, он переживает повышенное чувство природы: «Возраст один у меня и у лета, / День ото дня понемногу мы стынем». Маршак в своей прощальной лирике яснее и понятнее. Он ищет в ней опоры, достойного примирения с неизбежным, обращаясь в окружающем его мире картин и идей к самому дорогому для него в жизни, как бы ни близка она была к финалу. И хотя он говорит: «Мир умирает каждый раз / с умершим человеком», но он не хочет на этом поставить точку, он хорошо знает, что только человечество в целом есть человек, что на месте выпавшего звена цепь жизни смыкается: «Не погрузится мир без нас / в былое, как в потемки / В нем будет вечное сейчас, / Пока живут потемки».

Те самые потомки, для которых строил свой вечный, свой бессмертный Дом Самуил Яковлевич Маршак.

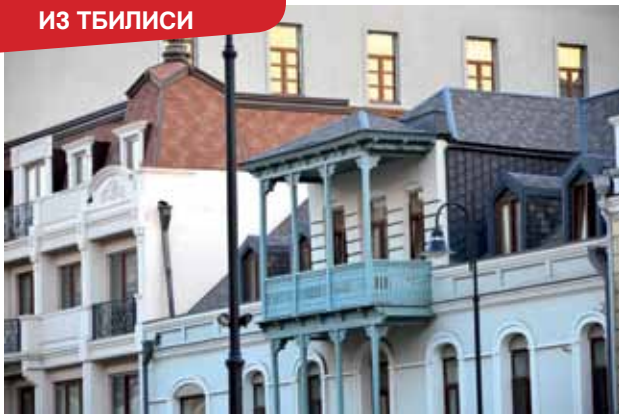
Маршак умер почти что внезапно, как бы уронив перо на полуслове и сообщив особую знаменательность незадолго до того написанной строфе: «Немало книжек выпущено мною, / Но все они умчались, точно птицы, / И я остался автором одной / Последней, недописанной страницы...»

Но даже без этой недописанной страницы Дом Маршака выдержал испытание временем на прочность. Вот он стоит – светлый, ясный и такой теплый, который никогда не разрушится.

Наталья ГЗИРИШВИЛИ

ИЗ ТБИЛИСИ

Ваш журнал мне нравится. Отношусь к «Русскому клубу» с любовью и признанием. Были трудные времена, и вам было нелегко. Надеюсь, наступят времена получше. Но вам будет труднее, ввиду того, что «Клуб» должен стать гениальным журналом.

Роберт СТУРУА

Все статьи «Завлекают в Сололаки...» написаны тбилисцем с умной головой и добрым сердцем. Спасибо, Владимир Головин! Все сюжеты познавательны и даже воспоминательны... Будем ждать новых публикаций.

Тамаз ТАТАРАШВИЛИ

Дорогую редакцию, лично Арсена Левоновича, читателей «Русского клуба» поздравляем с наступающим 2013 годом!

Пусть этот год принесет вам так необходимые для творчества здоровье, душевное спокойствие и благополучие, а все негативное останется позади!

**Манана ИГНАТОВА,
Георгий ТУРМАНИДЗЕ, Илья ХВИТЕЛИ**

ИЗ МОСКВЫ

Мне было приятно узнать, что в вашем журнале опубликованы главы из моей автобиографической книги «Было – не было», связанные с годами, прожитыми в дорогом моему сердцу Тбилиси. Ознакомившись с содержанием присланных мне номеров, я открыл для себя очень интересное, глубокое по содержанию, разнообразное по тематике издание, отличающееся высокими художественными и эстетическими достоинствами, любовью к своей стране и ее богатой истории.

Важно и ценно, что эти публикации открывают читателям многие неизвестные или же полузабытые страницы вековых дружеских отношений грузинского

и русского народов, особенно в области культуры и искусства.

А высокий профессиональный и полиграфический уровень издания делает вам честь.

Борис ДОБРОДЕЕВ

Дорогие мои коллеги и соотечественники!

Не нахожу слов для качественного выражения своей вам благодарности за все: за публикацию очерка, передачу номеров, за бережное отношение к тексту, высокий профессионализм в подаче материала на страницах журнала, отменную аккуратность и точность в рабочих отношениях с автором. Это высший пилотаж, а такое не забывается! Низкий вам поклон и глубочайшая признательность.

Валерий ПАРТУГИМОВ

С наступающим Рождеством и Новым 2013 годом! Спасибо «Русскому клубу» за высокую планку профессионализма. Почти каждый номер журнала отвечает на «поставленные в душе вопросы». Очень любим статьи о спорте, музыке, исторические и информационные, фотографии. Пусть этот год принесет всему дружному ансамблю редакции много радостей, побед, материального благополучия, сил для служения идеям братства и дружбы.

**Елена МАЧАВАРИАНИ,
Карен АКОПЯН, Степа БАХЧИНЯН**

ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА

Наша семья имеет возможность читать журнал «Русский клуб», который пересылают нам из Тбилиси. И как же я была приятно удивлена, когда увидела фотографию тбилисского дома по улице Давиташвили, 18, такого родного, несмотря на то, что уже более 20-ти лет живу в России. В той тбилисской квартире проживали, четыре поколения нашей большой семьи, основателем которой был мой великий прадед Ованес Туманян. Сколько добрых и благородных людей черпали вдохновение в этом доме, который давно стал достопримечательностью Тбилиси.

Пользуясь случаем, выражаем благодарность Владимиру Головину за прогулки по Сололаки.

Наш прадед всю свою жизнь призывал народы Кавказа любить друг друга. Молодежи особенно необходимо прочувствовать и глубоко осознать сегодня все события.

Татьяна КОЛЕСНИКОВА-ТУМАНЯН

ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Дорогие наши руссколюбивцы и грибоедовцы! От всего сердца желаем вам долголетия, счастья, удач творческих и личных. С огромным удовольствием читаем и перечитываем настоящий тбилисский журнал, добрый ко всем и талантливый. Очень нравятся статьи Владимира Головина, после прочтения их чувствуем себя в родном городе. К сожалению, не имеем удовольствия посещать спектакли театра, но надеемся на будущие встречи.

Светлана и Инна АЛИ-БЕЙ-ЭДИГЕЙ

ИЗ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Дорогой и любимый журнал!
С наступающим Новым 2013 годом!

Мои поздравления посылаю из Ростова-на-Дону, где сейчас живу, а уехала по семейным обстоятельствам из Тбилиси, который до сих пор люблю.

Журнал «Русский клуб» читаю постоянно и счастлива, что имею возможность его получать от своих знакомых. Благодарю замечательных профессионалов-журналистов за статьи.

Александрю Сватикову особая благодарность за его фотографии. Я была знакома с его мамой, когда она работала в больнице, в отделении профессора С.Хечинашвили, она беспокоилась тогда за будущее сына, который только окончил вуз, но он оказался молодцом и оправдал надежды тех, кто помогал ему достичь жизненных высот. На мой взгляд, журнал «Русский клуб» один из лучших в мире.

Людмила ИВАНОВА

ИЗ ТАГАНРОГА

Поздравляю с Новым 2013 годом! Дружеский привет всем, кто так преданно много лет служит этому прекрасному изданию. Крепче держите перо в руках. Содержание журнала удовлетворяет нашу острую ностальгию.

Я уже четырнадцать лет живу в Таганроге, в провинциальном «городке в табакерке». Однажды я пришла к знакомым. Волею судьбы они тоже из Грузии. Поговорили, и вдруг вижу на столике яркие, красивые номера Вашего журнала. А это, считай, привет из Тбилиси. Сказать понравился журнал – ничего не сказать. С огромным вкусом и высоким мастерством выполнены обложки с художественными фотографиями Александра Сватикова. Во всей красе перед мои взором предстала огромная сосулька, переплетенная гроздьями боярышника. Создалось впечатление, что перед тобой живопись.

Конечно, увлекает серия статей-воспоминаний о Сололаки – глубокие научные исследования Владимира Головина.

Но более всего мое внимание привлек материал Юрия Вачнадзе о Мерабе Мамардашвили, в котором я нашла ответ на некоторые мои сомнения. Колоссальное впечатление произвел на меня бюст философа с факелом, выполненный Эрнстом Неизвестным, олицетворяющий свет знаний, свет истины.

Все это сегодня так необходимо молодежи Кавказа.

Елена НАЦВЛИШВИЛИ

ИЗ ПАРИЖА

Моя родина – Грузия. Я грузин, но по сложившимся семейным обстоятельствам большую часть жизни нахожусь в Париже... По несколько раз перечитываю статьи в вашем журнале – особенно журналистов, хорошо знакомых мне с юности (или молодости). Это высококвалифицированный, высокообразованный и всеми уважаемый журналист Арсен Еремян. Какая эрудиция! Какой грандиозный запас знаний и воспоминаний по советскому спорту! Обширный и, по-моему, неисся-

каемый архив тронул меня до глубины души. Эпитеты, присвоенные им нашим прославленным грузинским чемпионам, отражают их сущность в государственном масштабе. Высокий эпитет «баскетбольный Эверест» получил Отар Коркия. Такой эпитет использовать мог лишь человек, который душевно и проникновенно относился и относится к нашим спортивным успехам и спортивным личностям. С нетерпением ждем очередные журналы.

Евгений ТАНИАНИ

ИЗ РИМА

Хочу выразить свое восхищение журналом «Русский клуб», который полюбили многие русскоязычные жители Италии. Я стараюсь передавать им свежие номера, присылаемые подругой из Тбилиси.

В прошлом, живя в грузинской столице, я работала в Главной редакционной коллегии по художественному переводу и была знакома со многими журналистами, которые теперь обеспечивают выпуск «РК». Читаю их статьи с удовольствием и чувствую, что происходит как бы личная встреча с ними.

Ваши читатели в Италии живо интересуются деятельностью Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», который с честью справляется со своей высокой миссией.

Валентина МОРЕТТИ

ИЗ МЕХИКО

Уважаемые журналисты – сотрудники «Русского клуба»!

Благодарю вас за интереснейший журнал, который сыграл в моей жизни немаловажную роль.

Более 15 лет я с семьей живу в Мексике, далеко от моей родины Грузии, но несколько раз в год приезжаю в Тбилиси. В один из таких приездов я увидел у знакомых журнал «РК» и уезжая взял с них слово, что они будут его мне пересылать. Все номера издания, несмотря на занятость, читаю от корки до корки. И вот однажды моя жена говорит: «Знаешь, когда ты читаешь «Рус-

ский клуб», то даже забываешь курить свою трубку». Я задумался над ее словами – дело в том, что я заядлый курильщик трубки с молодости. Значит, я все-таки могу обойтись без курения.

Вот так ваш журнал помог мне избавиться от вредной привычки.

Евгений ВОЛКОВ

ИЗ СИДНЕЯ

Восхищены вашим журналом. Родилась я в Тбилиси. У меня трое детей. Несколько лет назад переехали на постоянное местожительство в Австралию, город Сидней.

В 2011 году ко мне приехали в гости мои родители и привезли журнал «Русский клуб». Мы были удивлены и даже поражены, что в Тбилиси выпускают такой интересный журнал на русском языке. Моему сыну нравятся спортивные статьи. Он сам увлекается борьбой и на одном из уникальных снимков узнал своего тренера.

Дочка учится в хореографическом училище и надеется, что когда будет знаменитой балериной, Инна Безирганова напишет про нее в журнале «Русский клуб».

Журнал выполнен на высоком профессиональном уровне. Мы читаем его в общине. Он стал для нас зеркалом жизни Грузии.

Желаем руководителю проекта журнала «Русский клуб» Николаю Николаевичу Свентицкому долгих лет жизни, здоровья и неустанного служения родной культуре.

Алла КАЛАНДАРИШВИЛИ

ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Мы так благодарны вашему журналу за то, что он не только знакомит с сегодняшней жизнью Грузии, но и с ее историческими культурными связями с Россией. Обе эти страны мне очень дороги: в Грузии я родилась, училась, работала, а русская культура – родная мне. Замечательно, что в Тбилиси, несмотря на все трудности последних лет, издается «Русский клуб». У него все больше поклонников в Израиле, бывшие тбилисцы, побывавшие на родине, часто привозят к нам очередные выпуски журнала. И несмотря на то, что многие мои знакомые регулярно читают ваш журнал в Интернете, так приятно пролистать замечательно оформленные «живые» страницы.

Берта РИНЕНБЕРГ

1512-2972